Р. Е. Кавецкий
К. П. Балицкий

У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
СОВЕТ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Р. Е. КАВЕЦКИЙ
К. П. БАЛИЦКИЙ

У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УССР
КИЕВ—1954

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии наук Украинской ССР

Книга представляет собою исторический очерк состояния медицины в древней Руси. В ней рассказывается о медицинских работах того периода, об эпидемиях на Руси и о борьбе с ними, о четко разработанной системе рациональных карантинных мероприятий; освещается история первой медицинской школы в России, трехсотлетие со времени организации которой исполняется в этом году.

Издание иллюстрировано. Рассчитано на широкий круг читателей.

Ответственный редактор проф.
доктор медицинских наук *А. Ф. Макарченко*

ПРЕДИСЛОВИЕ

История нашей отечественной медицины показывает, как из эмпирически сложившихся медицинских знаний наших далеких предков возникла и сформировалась отечественная научная медицина, ставшая теперь поистине передовой советской медицинской наукой. «Иностранные капиталисты, занимавшие в царской России прочные позиции, всячески поддерживали и насаждали в России представления о культурной и духовной неполноценности русского народа. Оторванные от народа и чуждые ему правящие классы царской России не верили в творческие силы русского народа и не допускали возможности, чтобы Россия собственными силами выбралась из отсталости. Отсюда проистекало неправильное представление о том, что русские всегда-де должны играть роль «учеников» у западноевропейских учителей» [1].

Лишь сознательным и злонамеренным извращением исторических фактов можно объяснить попытки Вильгельма Рихтера, автора трехтомной «Истории медицины в России», и некоторых других его последователей игнорировать медицину древней Руси и изобразить развитие медицины в России как рабское подражание иноземным авторитетам. «У нас еще не все освободились от низкопоклонства и раболепия перед Западом, перед капиталистической культурой... Советские люди проникнуты... решительным стремлением скорее покончить с этими пережитками прошлого, развернуть решительную критику всех и всяких проявлений низкопоклонства и раболепия перед Западом и его капиталистической культурой» [2].

---

[1] Маленков Г. М., Информационный доклад о деятельности ЦК ВКП(б) на совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., «Правда» от 9. XII 1947 г.

[2] Молотов В. М., Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции, Госполитиздат, 1947, стр. 29.

Тлетворный буржуазный космополитизм — реакционная идеология воинствующего империализма, носители которой пытаются доказать подражательный характер нашей отечественной культуры и науки,— преследует цель подорвать патриотизм, чувство национальной гордости нашего народа. Однако исторические факты указывают на самобытность отечественной науки, в частности медицины, уходящей своими корнями в далекое прошлое.

Развитие отечественной медицины началось еще в Киевской Руси, явившейся общей колыбелью братских русского, украинского и белорусского народов. Дальнейшее свое развитие отечественная медицина получила уже в Русском государстве, где в конце XVI века был создан Аптекарский приказ, который со временем фактически стал ведать медицинским делом во всем государстве.

Украинский народ, насильственно оторванный от России, ведя борьбу с иноземными захватчиками, постоянно стремился к воссоединению с братским русским народом.

Раздробленность древнерусских земель, сделавшая возможным многолетнее их порабощение татаро-монголами, не ослабила волю народа к освобождению. Борьба за освобождение особенно усилилась после образования вокруг Москвы Русского централизованного государства. Экономические и культурные связи двух братских народов непрерывно расширялись и крепли. Русское государство помогало украинскому народу и в развитии медицины. Особенно тесные связи, установившиеся после воссоединения Украины с Россией, оказывали прогрессивное влияние на развитие медицинского дела на Украине.

История развития медицины в Киевской Руси и в Русском государстве в X—XVII вв. еще ждет советского исследователя. Изучению одних только архивов Аптекарского приказа, опубликованных в 80-х годах прошлого столетия, может и должно быть посвящено не одно исследование монографического характера. Задачей настоящей работы является лишь наметить основные этапы развития отечественной медицины в этот период и осветить медицинские связи Украины с Россией в XVII веке.

I. МЕДИЦИНА В КИЕВСКОЙ РУСИ

Народы, жившие на территории нашей страны, издавна являлись обладателями обширных медицинских познаний. Ряд ценных указаний в этом направлении был получен при археологических раскопках. «Археология помогает нам при изучении предметов древней материальной культуры уяснить санитарно-бытовой уровень, материальное оснащение медицины соответствующей эпохи... Большое значение при изучении медицины древнейших периодов существования человечества имеют произведения материальной культуры: орудия труда, предметы бытового обихода, произведения народного творчества — слепки, примитивные, а иногда и весьма искусные рисунки» [1]. Так, при раскопках Куль-Обского кургана близ Керчи в остатках скифского погребения обнаружена ваза с хорошо сохранившимися выпуклыми изображениями на медицинские темы: перевязка раненого, удаление зуба и др. Афиняне высоко ценили скифских врачей и считали их превосходными прогностами. История сохранила имена некоторых скифских жрецов-врачей, бывавших в Афинах. Это Абарис, Анахарсис и Томсарис, причем последний был в Афинах при Солоне. Знаменитый врач древней Греции Гиппократ посетил скифские берега Черного моря. Большое количество хирургических инструментов, правда, скорее ветеринарных, и чаша с их изображениями найдены в Чертомлыкском приднепровском кургане.

В древней Руси не было специальной касты жрецов, которые обычно являлись обладателями всех тогдашних знаний, в том числе и медицинских, как это имело место у

---

[1] Заблудовский П. Е., История медицины, Избранные главы, в. I, М., 1953, стр. 16, 18.

ряда других древних народов, например в Египте, Греции. Медицинские познания на Руси были распространены среди народа, и это обусловливало широкое развитие народной медицины. Лиц, занимавшихся врачеванием удачнее других, называли «знахарями», «ведунами».

Рациональные приемы народной медицины существовали тогда наряду с мистическими обрядами, заклинаниями против «злых духов», «порчи» и пр. Однако приемы, которыми пользовались при лечении, впоследствии вошли в научную медицину; таковы, например, гипноз, внушение («нашептывание»), массаж, водолечение и др. Наши предки обладали также понятиями о необходимости изоляции заразных больных. Арабский географ Ибн-Фадлан, как указывает Л. Ф. Змеев [1], писал, что «руссы» больного кладут в отдельное помещение, снабжают пищей, питьем и одеждой и не входят к нему до его выздоровления.

Наш народ испокон веков понимал значение и важность гигиенических мероприятий, и на Руси издавна огромное распространение имели бани. Описал их еще Нестор. В приведенной В. Л. Германом выдержке из летописи сказано: «Дивно видел Словенску землю, идучи мы семо видех бани древены и пережгут е (румяно), совлокуться и будут нази, и облиются квасом уснияным (кислым) и возмуть на ся прутье младое, бьются сами и того ся до бьют, егда влезут ли живы и облиются водою студеною, так оживут» [2] (рис. 1).

В договоре Олега с греками среди других привилегий, которыми могли пользоваться русские, приходя в Царьград, указано, что «могут мыться, сколько хотят». Гораздо позднее, в XVI—XVII вв., когда ввиду частых больших пожаров, уничтожавших целые части городов, была предпринята попытка запретить топить бани, жители высказали резкий протест, угрожая правительству «разбрестись врознь из своих домов».

Португалец Антонио Рибейро Санхец, образованный врач, служивший в России с 1731 по 1741 г., издал в середине XVIII столетия в Париже книгу «О парных российских банях», в которой описал устройство бани и привел случаи, когда она используется в народном быту для лечения ряда заболеваний. Книга эта была переведена на русский язык (рис. 2).

С X века происходит объединение русских земель вокруг Киева, становящегося политическим и торговым центром

---

[1] Змеев Л. Ф., Чтения по врачебной истории России, СПБ, 1896, стр. 37.

[2] Герман В. Л., Врачебный быт допетровской Руси, в. I, Харьков, 1891, стр. 9.

Рис. 1. Обливание после бани на морозе. Старинный русский обычай. Гравюра неизвестного художника (по Э. М. Конюс).

Рис. 2. Роды в бане. Первый уход за новорожденным в парильне. Древний народный обычай (по Э. М. Конюс).

великого государства — Киевской Руси. Киев XI века являлся уже крупнейшим городом. Киевское государство было самым крупным из всех современных ему славянских и неславянских государств. Митрополит Киевский Илларион в своем «Слове» называет Киев городом, «блистающим величием». Адам Бременский во второй половине XI века называет Киев соперником Константинополя, «украшением Константинопольской патриархии». Есть данные, что Киев в период расцвета имел до 100 000 жителей. Старинные карты России, указывал К. Маркс, обнаруживают, что эта страна некогда обладала в Европе бóльшими размерами, нежели те, которыми она может похвалиться ныне. Ее непрерывное возрастание с IX по XI столетие отмечали с тревогой. Для оценки международного значения Киевской Руси показательными являются брачные союзы киевского княжеского двора с крупнейшими европейскими дворами. Князь Владимир был женат на греческой царевне Анне, его сын Ярослав — на дочери норвежского короля, дочь Ярослава вышла замуж за французского короля Генриха I.

«Научный анализ многочисленных археологических находок и письменных источников полностью разоблачает лживые космополитические измышления буржуазной историографии о том, что будто культура древней Руси сложилась в результате иноземных влияний — византийского и др., и неопровержимо свидетельствует о богатстве и самобытности древнерусской культуры и о ее величайшей роли в истории мировой культуры... Материальной основой древнерусской культуры был труд угнетенных народных масс, которые являлись подлинным творцом всех ценностей культуры древней Руси» [1].

Письменность у восточных славян появилась, как и у других народов, с возникновением классов и получила широкое развитие в ремесле, торговле, сношениях с другими государствами и т. д. Введение христианства оказало влияние на развитие культуры, на более широкое распространение грамотности. На Руси стали широко известны греческая и славянская литературы. Рост производительных сил, расцвет материальной культуры формировавшегося феодального общества создали предпосылки для развития наук. Появились школы, например, в Киеве при Владимире Святославовиче, в Новгороде при его сыне Ярославе. Грамотность на Руси была достаточно распространенной. Археологические раскоп-

[1] История Украинской ССР, т. I, К., 1953, стр. 82.

ки, произведенные А. В. Арциховским в Новгороде[1], обнаружили берестяные грамоты, содержащие переписку горожан. Многие лица из господствующего класса отличались большой образованностью. Так, князь Ярослав владел семью языками. При церквах и монастырях организовывались библиотеки. Князь Ярослав, по свидетельству летописи, много книг «положил в святой Софии, юже сам созда». Развитию письменности во многом способствовало привлечение в школы детей господствующего класса. Согласно летописи, князь Владимир «нача поимати у нарочитой чади дети и даяти на учение книжное». Князь Ярослав, «прийдя к Новгороду и собрав от старост и от пресвитеров детей 300 и повеле учити книгам».

Наряду с литературой на древнерусском литературном языке, развившемся на народной восточнославянской основе, существовала литература на церковнославянском, или старославянском языке, на котором преимущественно писались сочинения религиозного характера.

Киевская Русь по уровню культуры и образования стояла выше просвещенных центров тогдашней Западной Европы. При церквах, монастырях велись исторические записи — летописи. К XI веку относится работа знаменитого летописца, монаха Печерского монастыря Нестора — «Повесть времянных лет».

В отношении санитарного благоустройства ряд древнерусских городов превосходил города европейских стран того времени. Археологические раскопки А. В. Арциховского обнаружили существовавшую в Новгороде в XI—XII вв. водопроводную сеть, деревянные мостовые и пр. Водопроводные трубы были выдолблены из бревен, плотно пригнаны друг к другу и обложены берестой. Водопроводная линия перемежалась со смотровыми колодцами (рис. 3).

Медицинское дело в Киевской Руси стояло на довольно высоком уровне. Еще Ольга, согласно норвежской саге, организовала больницу, где уход за больными был поручен женщинам. Лечение больных и устройство инвалидов в Киевской Руси было сосредоточено в монастырях. В уставе князя Владимира о церковных судах указано: «А се церковнии люди: ...лечец, удовица, слепец, хромец, монастыреве, болници». На содержание больных и инвалидов был установлен особый налог — «десятина»: «От всего княжа суда десятую векшю, из торгу десятую неделю, а из домов на всяко лето от всякого стада и от всякаго жита».

[1] Вопросы истории, № 12, 1951.

В 1070 г. игумен Печерского монастыря Феодосий, занимавшийся врачеванием, построил при монастыре дом для лечения больных и содержания инвалидов. Целый ряд больниц, согласно записям Никоновской летописи, был организован в конце XI века митрополитом Ефремом в Переяславе и других городах: «Строение банное и врачеве и болницы, всем приходящим безмездно врачевание, такоже и в Милитене в своем граде устрои, и по иным своим градом митрополским» [1]. В уставе Ярослава Владимировича перечисляются «вдовицы, задушные человецы, странницы, нищие монастыри и бани и врачи их, болницы и врачи их». Н. А. Богоявленский [2] изучил около 17 000 миниатюр из древних рукописей и летописей, в значительной степени раскрывающих характер медицинской помощи при монастырских больницах того времени. Миниатюры показывают наружный вид больничных келий-палат и больных, ожи-

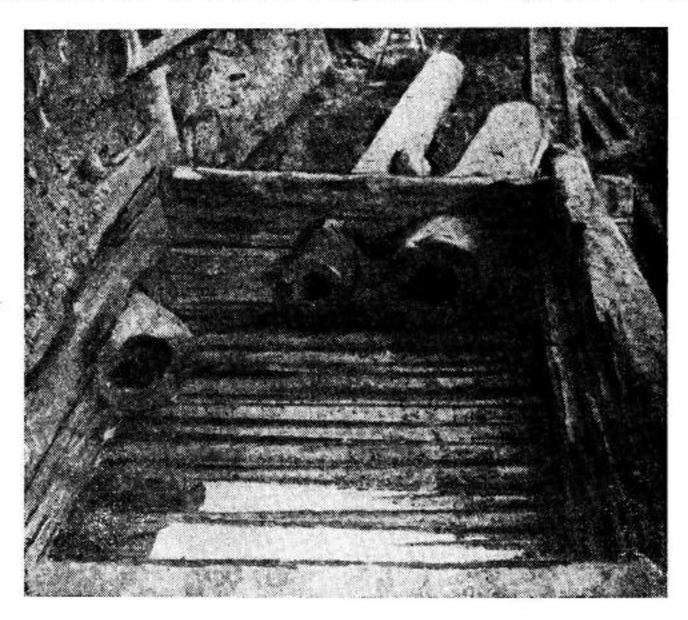

Рис. 3. Водопровод в Новгороде, обнаруженный при раскопках А. В. Арциховским.

[1] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, Томск, 1907, стр. 301—302.

[2] Советское здравоохранение, № 5, 1950.

дающих места в больнице. Изображена внутренняя обстановка палат: постели, покрытые одеялами, подушки четырехугольной формы или в виде валика; на столике возле больного посуда для «пития, брашна и врачевского зелия» (рис. 4). Известны имена монахов-врачевателей: Антония,

Рис. 4. Уход за больным в древнерусской больнице XII века. Миниатюра Радзивилловской летописи XIV и XV веков (по Н. А. Богоявленскому).

его ближайшего ученика Агапита, Пимена, Козьмы, Алимпия и др.

На формирование медицины того времени оказали влияние древнегреческая и арабская медицина, так как наиболее образованные монахи и врачи знакомились с медицинскими сочинениями на этих языках.

Следует указать на связь и взаимовлияние медицины Киевской Руси и медицины братских славянских народов.

Но все же подлинной основой и источником как монастырской, так и светской медицины того времени являлась отечественная народная медицина с ее эмпирически выработанными рациональными способами лечения. В Киево-Печерском патерике 1296 г. сказано: «Лечець приготовляеть зелие на потребу врачевания». Русскими «лечцами» было введено в арсенал лекарственных средств большое количество лечебных веществ. Показательно, что знаменитый средневековый таджикский врач Авиценна, рекомендуя целый ряд лекарственных средств, называл их русскими лекарствами.

Необходимо все же подчеркнуть, что религиозные воззрения безусловно занимали значительное место при лечении в монастырских больницах, что не могло не препятствовать дальнейшему прогрессу медицинских знаний. Церковь ожесточенно боролась с остатками языческих воззрений и расправлялась с народными знахарями-язычниками. «Устав о церковных судах» князя Владимира узаконивал преследование знахарства.

Обеспеченность больничной и врачебной помощью в Киевской Руси была нисколько не ниже, чем в других странах Европы. Многочисленные войны обусловливали развитие в Киевской Руси и медицинской помощи раненым. Н. А. Богоявленский[1] пишет, что в сочинениях Георгия Амартола (IX век) есть указание на употребление бараньей шерсти в качестве перевязочного материала при ранениях. Ампутации конечностей древнерусскими «резалниками» (хирургами) широко производились уже в XI веке. Археологические раскопки Анучина в Киеве в начале XX века доказывают и применение в Киевской Руси с лечебной целью трепанации черепа.

Распространение на Руси имела светская медицина. Известен ряд врачей: Иоанн Смера, посланный князем Владимиром в Грецию и балканские страны для пополнения медицинских знаний; Петр Сирианин (XII век), «зело искусный» врач черниговского князя, впоследствии занимавшийся врачебной практикой в Киеве, «врачюя многы», и др. Согласно сказанию, крестьянская девушка, дочь бортника Февронья, получившая медицинские познания от своих родителей, народных «лечцов», успешно занималась врачебной практикой. Дочь черниговского князя Ефросинья была «зело сведуща в Асклепиевых писаниях» (так назывались тогда книги медицинского содержания). Многие местности славились своими искусными врачами: Киев, Рязань, Чернигов, Муром.

Наш народ всегда уважал врачебный труд и понимал его трудности. Еще в Супрсальской рукописи XI века и Толковой псалтыри XII века записано: «Бали не повиньи, ли врачеве вскресять», т. е. врачи не ответственны за исход болезней, не поддающихся лечению.

Сохранились летописные указания о лечении феодальной верхушки Киевской Руси. Известно о глазной болезни князя Владимира (988 г.), хронической язве на голове у Все-

---

[1] Советская медицина, № 2, 1952.

слава Полоцкого (1044 г.). В 1076 г. князь Святослав Ярославович был подвергнут хирургической операции в связи с опухолью лимфатических узлов или нарыва («резания желве»). Владимир Галицкий, получивший в 1154 г. после перенесенного нервного потрясения «удар», был сейчас же положен в горячую ванну. Когда боярин Василий, упав с лошади, разбился и был привезен на повозке в Киев, то князь Юрий Всеволодович «во утрие же день поем с собою врачев прийде на место, удеже виде сокрушение Василия, хотя врачевать его».

На существование и широкое распространение врачебной практики указывает «Русская Правда». По ее древнейшему списку, пострадавший от побоев мог требовать с обидчика деньги на лечение полученных повреждений: «...взяти ему за обиду 3 гривны, а лечцю мзда». Позднейшие списки «Русской Правды» называют это вознаграждение «лечебным» и определяют его размер в одну гривну при трех гривнах, взымаемых за самое преступление.

В известных нам памятниках письменности Киевской Руси также имеется ряд записей медико-гигиенического характера. В «Изборнике» Святослава (1073 г.), являвшемся своеобразной энциклопедией тогдашних знаний, даны советы относительно питания в различное время года, причем интересно то, что статья оставляет в стороне религиозные предрассудки того времени. В прологе «Слова об умеренности и воздержании» (XII—XIII вв.) записано: «Тело бо пищи требует, а не сладости доволи и не презсытства». И в другом месте: «Ово [1] бо души и телу подобно на здравие и крепость, ово же обое вреждает: не точию здравие тляши, но и недуги пакостны раждающи». То же находим мы и в Слове Василия «О ласкосердии и о обядении и о пьянстве». Гигиенические наставления относительно питания имеются и в «Монастырских обиходниках»; следует, впрочем, отметить религиозный, аскетический характер даваемых здесь указаний. Согласно данным Л. Ф. Змеева [2], остались следы существования так называемого Мефодиевского лечебника, вошедшего потом в состав позднейших врачебных сборников.

В древней Руси были также распространены сведения из области естественных наук — зоологии, ботаники, минералогии. Источником их, кроме «Изборника» Святослава,

---

[1] Пресыщение.
[2] Змеев Л. Ф., Чтения по врачебной истории России, стр. 110.

были «Физиолог», «Шестиднев», «Палеи» и др. «Физиолог», переведенный на славянский язык в середине XI в., содержал описание 49 животных, растений и пр.

Следует особо упомянуть выдающуюся нашу соотечественницу, первую в мире женщину, которая стала ученым медиком и написала первый отечественный научно-медицинский трактат. Речь идет о Евпраксии Мстиславовне—дочери князя Мстислава Владимировича и внучке Владимира Мономаха. Биографические сведения о ней весьма ограничены. Родилась Евпраксия около 1108 г. Повидимому, еще с детства она интересовалась народной медициной, затем изучила ее и успешно занималась лечением, за что и получила в народе имя «Добродеи», т. е. делающей добро. В 1122 г. Евпраксия Мстиславовна вышла замуж за византийского царя Алексея Иоанновича Комнина, приняв при коронации имя Зои. Имела одну дочь, пережила мужа и скончалась в преклонном возрасте около 1180 г.

Русский ученый Х. В. Лопарев во Флоренции в библиотеке Лоренцо Медичи обнаружил медицинский трактат на греческом языке «Аллима» (т. е. мази), принадлежащий перу Евпраксии-Зои и написанный в 30-х годах XII века. К сожалению, трактат сохранился в неполном виде. Название «Мази», видимо, связано с тем, что различные мази, натирания тела широко применялись в то время как в Киевской Руси, так и в Византии и других странах. Подробное описание этого трактата имеется в работах М. Т. Дитрих и Н. Ф. Высоцкого[1]. Все сочинение может быть разделено на пять частей, включающих 29 глав. Первые три части содержат гигиенические советы и указания, а две последние — описание некоторых болезней и средств их лечения.

Первая часть посвящена вопросам общей гигиены и состоит из девяти небольших глав. Глава 1-я не имеет начала, 2-я — «О благорастворении воздухов», 3-я — «Об образе жизни в различные времена года», 4-я — «О движении и покое», 5-я—«О пище, питье, сне и пробуждении», 6-я — «Об очищении», 7-я — «О поте», 8-я — «О моче», 9-я — «О бане». Автор делит все человеческие организмы на четыре группы соответственно четырем странам света и дает следующие характеристики: 1) восток — теплота и сухость, 2) запад — холод и сухость, 3) юг — теплота и влажность, 4) север—холод и влажность; в зависимости от этого разби-

[1] Дитрих М. Т., Русская женщина великокняжеского времени, СПБ, 1904; Высоцкий Н. Ф., Роль женщины в истории нашей народной медицины. Казань, 1908.

рается вопрос о влиянии времени года на различные организмы. В этой классификации, как справедливо отмечает Х. В. Лопарев, видны зачатки учения о четырех темпераментах.

Вторая часть, касающаяся гигиены брака, беременной и новорожденного, состоит из пяти глав: 10-я — «О соитии», 11-я — «О беременной и об утробном», 12-я — «О том, как вести себя кормилице», 13-я — «Об уходе за ребенком», 14-я — «О благообразии тела». В этой части Евпраксия-Зоя высказывает ряд рациональных суждений и советов. Так, в 11-й главе пишется: «Когда жена зачнет во чреве и будет у ней отсутствие аппетита к пище, (когда) она будет стремиться к постылным кушаньям, к острым и тому подобным, нужно ей остерегаться усталости, подыматься на высокие места и спускаться с них... Пусть она моется в бане с умеренной температурой...» В 12-й главе сказано: «Кормилице нужно быть молодой... с умеренным телом, ни толстой, ни худощавой, не имеющей в теле своем ни недугов, ни какой-либо болезни, имеющей совершенно белое и душистое молоко». Автор советует кормилице есть мясо молодых животных и птиц, не есть бобов, мыться в бане через каждые три дня. В 13-й главе, говоря об уходе за ребенком, у которого прорезываются зубы, автор настоятельно рекомендует «сохранять грудь и шею ребенка от катарров».

Вопросы гигиены питания разбираются в третьей части, состоящей из восьми глав: «О действии пищевых и вкусовых средств», «О молоке и масле», «Об ароматах и приправах к кушаньям» и др. Автор считает, что пищевые вещества обладают «холодными» или «теплыми» свойствами. Например, несмешанное вино, мед, некоторые сорта мяса обладают «теплыми» свойствами. По словам автора, «всякая пища и питье, насколько изобилует в них сладость, настолько изобилует и теплота». Другие пищевые вещества, например сандал, розовый экстракт, миртовое масло и др., «по своей природе холодны».

В пяти главах четвертой части приведены рецепты для лечения различных «наружных» болезней: 23-я — «На паршивость головы», 24-я—«О болезнях рта», 25-я — «Чтобы сделать зубы белыми», 26-я — «Когда зубы качаются», 27-я — «На дурной запах рта». В пятой части две главы: 28-я — «О болезнях сердца», 29-я — «О болезнях желудка».

Трактат суммирует и систематизирует разрозненные медицинские сведения того времени. В противоположность авторам других средневековых медицинских сочинений, Евпраксия-Зоя не делала буквальных выписок из предшеству-

ющих медицинских трактатов, а вдумчиво, своими словами излагала известные ей факты и свои собственные наблюдения. Поэтому представляется чрезвычайно трудным определить основные литературные источники, которыми она пользовалась. Положительной чертой «Мазей» является новизна ряда поставленных вопросов. Впервые в медицинской литературе того времени освещаются вопросы гигиены беременности, ухода за ребенком; также впервые трактат дает общие указания по гигиене. В сочинении имеются зачатки учения о темпераментах. Следует отметить, что автор избежал многих ошибок, устранив из руководства некоторые существовавшие тогда нелепые средства лечения.

Успешное развитие отечественной культуры, науки, в том числе и медицины, в Киевской Руси было нарушено татаро-монгольским нашествием. В 1237—1238 гг. татаро-монгольские орды Батыя захватили и разрушили Рязань, Коломну, Москву, Владимир, Суздаль, Ростов, Ярославль, Тверь, Торжок, в 1239 г.— Переяславль, Чернигов. В декабре 1240 г. они подошли к Киеву. Несмотря на героическое сопротивление войск и всех жителей во главе с воеводой Дмитрием, Киев был захвачен и предан разграблению. Летопись указывает: «Того же лета взяше Киев татарове и святую Софию и монастыри вси... а люди вси мали до велика убиша мечем». В Киеве после разрушения, по словам францисканского монаха Плано Карпини (1246 г.), сохранилось не более 200 домов. Население на захваченных землях было обложено тяжелой данью. Удельнокняжеский политический строй на Руси татарами был сохранен, но подчинен их власти. Основным способом господства татаро-монголов являлся режим жесточайшего террора на захваченных землях. К. Маркс называет господство татар кровавой грязью монгольского ига и подчеркивает, что оно не только давило, но и оскорбляло и иссушало самую душу народа. Особенно тяжелым было положение масс, которые угнетались как татарами, так и своими феодалами.

В героической борьбе русский народ уничтожил татарское иго, тем самым освободив многие народы, в том числе и украинский. Со времени свержения татарского ига, несмотря на ряд других тяжелейших испытаний, выпавших на долю России, не раз подвергавшейся нападениям иноземных захватчиков, стало непрерывно развиваться и крепнуть единое Российское государство.

II. МЕДИЦИНА НА РУСИ ДО ОБРАЗОВАНИЯ АПТЕКАРСКОГО ПРИКАЗА

В длительной и самоотверженной борьбе с татаро-монгольскими и иными иноземными захватчиками русский народ отстоял свою национальную независимость, преодолел феодальную раздробленность и создал могущественнейшее централизованное Русское государство со столицей Москвой. В своем приветствии по поводу 800-летия основания Москвы И. В. Сталин писал: «Ни одна страна в мире не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц. Только страна, объединенная в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости. Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси» [1].

Укрепление централизованного Русского государства, рост производительных сил и развитие материальной культуры обусловили дальнейшее развитие просвещения, наук. Экономическая и культурная жизнь Русского государства этого периода подробно освещена в первом томе «Истории Москвы» [2].

Уже в XVI веке среди господствующего класса была значительно распространена грамотность. Судя по «Домострою», где женщине-хозяйке рекомендовалось «записати, и хто емлет и хто дает», грамотность была распространена

---

[1] «Правда» от 7 сентября 1947 г.
[2] История Москвы, т. 1, ч. I, М., 1952.

и среди женщин господствовавшего класса. В то время существовали специальные переписчики книг. Книги часто украшались прекрасно выполненными миниатюрами исторического и бытового содержания. Рукописные книги продавались «на торжищах». В 1580 г. в Москве был уже специальный книжный ряд. Следует подчеркнуть, что еще в 1551 г. был выдвинут проект создания в Москве и других городах школ для «наученья грамоте, книжного письма и церковского пения и учения налойного». В 1550 г. упоминается «мастер печатных книг» Маруша Нефедьев. Ввиду растущей потребности в книгах в 1554 г. в Москве была организована типография. Во главе ее стал «некий хитрый мастер печатному делу» москвич Иван Федоров, дьякон кремлевской церкви Николы Льняного. Продолжателями дела Ивана Федорова были Андроник Тимофеев Невежа и Никифор Тарасиев.

Сохранились сведения о существовании в то время значительных библиотек. Так, в 1573 г. в библиотеке Иосифо-Волоколамского монастыря насчитывалось около 1150 книг, среди которых целый ряд переводных книг исторического и философского содержания. В XVI веке в связи с военно-дипломатическими потребностями усиленно развиваются географические знания, появляются «чертежи» (карты-схемы) различных частей Русского государства, главным образом пограничных областей.

В середине XVI века в Москве выступает ряд выдающихся русских мыслителей-вольнодумцев, протестующих против существовавших социальных порядков: Матвей Башкин, Григорий и Иван Тимофеевы Борисовы, бывший игумен Троицкого монастыря Артемий и его ученики Василий и Игнатий, которые по социальному происхождению являлись «боярскими холопами». Развиваемые ими социально-утопические воззрения были осуждены государственной и церковной властью, а сами они подвергались жестокому преследованию.

Возрос интерес к естественно-научной литературе. В начале XVI века в русском переводе появился средневековый труд «Луцидариус», содержащий целый ряд сведений по естествознанию. В этой книге, несмотря на ее богословский характер, намечался переход к светским знаниям, излагались взгляды Платона, Аристотеля и вопросы разрешались «не по учительству православных учителей, (а) кроме (помимо) предания церковного». Невзирая на резкие протесты церкви, книга эта получила широкое распространение. Сведения по естествознанию содержались и в полу-

чивших распространение в XVI веке «Азбуковниках»—своеобразной энциклопедии тогдашних знаний.

Некоторые отечественные авторы, повторяя неверные высказывания Вильгельма Рихтера, писали об отсутствии медицинских знаний у русского народа и считали врачей и аптекарей иноземцев, приглашаемых к царскому двору, первыми медицинскими специалистами в Русском государстве. Однако эти вредные и порочные измышления полностью опровергаются соответствующими историческими документами. В ряде городов Русского государства постоянно находились отечественные медицинские специалисты — лекаря, костоправы, аптекари («зелейники»). Медицинские знания передавались преемственно от учителя к ученику.

Л. Ф. Змеев [1] приводит описание лечения раны, полученной его предком Иваном Змеевым, который был письменным головой отряда московских стрельцов, посланного на 1592—1594 гг. в Сибирь для закрепления побед Ермака. Рану на ноге у Ивана Змеева, нанесенную стрелой, лечили крепостной знахарь воеводы Головина — Кучай и «лечитель» — стрелец Ивашка Анучин. Для извлечения осколка стрелы была сделана операция. «И резали тонким ножем более вершка в глупь и вытащили кривыми клещицами железко погнуто пальца с три и заложили в рану ветошку в сале с порохом и как гной перестал клали мазь лазореву — зорную, затирали рану порохом, а оздоровел и ходить учал».

Приводимая М. Д. Хмыровым выписка из царской грамоты от 11 марта 1556 г., посланная новгородским дьякам, подтверждает существование в Новгороде русских лекарей: «Гриша Федоров сын Нащокина... был на нашей службе с воеводою со князем Андреем Ивановичем Ноктевым в Неметцкой земли, и было деи им дело с неметцкими людми, и на том деи его деле ранили из пищали по ноге, и ядро деи... в ноге. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б ему дали мастера, лекаря, кому б у него мочно ядро из ноги вывести и раны бы мочно излечити» [2].

Из летописной записи известно, что Строганов успешно залечил раны Бориса Годунова, за что царь Иван Васильевич, осмотрев лично «завороты» на ранах, сделанные Строгановым, наградил его, дал звание «гостя» и позволил писать свое отчество с «вичем», что считалось тогда большим отличием.

---

[1] Военно-медицинский журнал, ч. 155, 1886.
[2] Там же, ч. 104, 1869.

В «Писцовых книгах» древнего Новгорода, как сообщает Б. А. Рыбаков [1], указывается на существование тогда специальных профессий «кровопусков», «костоправов», «коневых лекарей». Известен царский указ о присылке из Новгорода в Москву специалиста ветеринара, «умеющего конской лечбе», — Семена Багманова: «Ведомо нам учинилось, что новгородец Бежецкия пятины Семен Олферьев сын Багманов умеет конской лечбе... Семена Багманова велели сыскать. И как его сыщут, и вы б его прислали к нам к Москве на подводах не мешкая, да о том к нам отписали. А на Москве велели ему явиться и отписку отдать в разряде дяком нашим» [2].

В XVI веке в ряде городов Русского государства правительством была проведена хозяйственно-торговая перепись с целью обложения «оброком» (налогом). Исследование материалов этой переписи в Новгороде, сохранившихся в виде «Лавочных книг Новгорода Великого 1583 г.», проведенное Н. Морозовым, представляет несомненный исторический интерес и является еще одним ярким доказательством существования в то время в Русском государстве большого числа отечественных медицинских специалистов. В «Лавочных книгах» на листах 30—34 записано: «...пол лавки, пуста Иванка Семенова лекаря по затвору всем трем 3 саж., длина 1.1/2 саж. оброку 5 ал. 2 д. ...лав. Ларионка Ефимьева зелейника с Лукина улицы по затвору 1.1/2 саж. длина 2 саж., оброку 22 ал. 4 д. ...в пол лав. Натальица Клементьевская жена лекарица, а другая пол лавки пуста Гаврилка Клементьева лекаря, по затвору 1.1/2 саж. с пятью, длина 2 саж., оброку 18 ал. и 4 д., з живущего половина оброку 9 ал. 2 д. ... лав. Михалки Никифорова лекаря с Чюдинцовы по затвору сажень с пятью, длина 2 саж., с пятью, оброку 9 ал. 2 д., лавка пуста Иванка Никифорова лекаря из Дубошины по затвору 1.1/2 саж. длина то же, оброку 15 ал. ... место лавки пусто Васюка Михайлова лекаря, по затвору 2 саж. без лохти, оброку 12 ал. ... лавка пуста Иванка Данилова лекаря с Чюдинцове по затвору 1/2 саж. без пяти, длина 2 саж. без лохти, оброку 12 ал.» На листе 277: «На Лубяницы улицы Ушаковской двор Кочнева дан на оброк Спасскому игумену з братьею и Старые Русы, оброку

---

[1] Рыбаков Б. А., Ремесло древней Руси, изд. АН СССР, 1948, стр. 558 и др.

[2] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, Приложения, № 3.

14 ал. пошлин 5 д., ставился Елисей дохтур, а ныне пуст»[1]. Таким образом, только в одном Новгороде перепись зарегистрировала одного доктора, семь лекарей, в числе которых была женщина-лекарица Натальица Клементьевская. Запись об аптекаре-«зелейнике» Ларионке Ефимьеве опровергает ошибочное мнение об отсутствии аптекарской помощи в Русском государстве до появления в 1581 г. выписанного из Англии придворного аптекаря Фрэнчана. Совершенно прав Н. Морозов, который подчеркивает, что в зелейной лавке Ларионки Ефимьева безусловно были более рациональные средства лечения, чем привезенные Фрэнчаном всевозможные амулеты, камни, трости и пр. «для отвращения от всяких чар и злой порчи». Расположение аптеки-лавки «зелейника», готовящего и продающего лекарства, по соседству с лавками лекарей облегчало снабжение больных лекарствами. Имеется летописная запись об «аптекаре Матюшке» в Москве в 1554 г. Помощник аптекаря в то время назывался «оптекарской подсоседок».

Л. Ф. Змеев[2] указывает на существование в Москве зеленных, москательных, семенных и др. рядов, где держали лавки лекаря и зелейники, причем продавались лекарства не только местные, но и привозные из Персии, Бухары, с берегов Средиземного моря. Торговля лекарствами на Руси велась издавна. Есть указания, что еще при Иване III в Москве продавались «заморские» лекарства. При Василии Ивановиче русские купцы торговали уже камфорой, мускусом, ревенем, гвоздикой, миндалем, хинной коркой, маслами и др., вывозили их в другие страны.

Были в то время и специалисты-«травники», собиравшие и заготовлявшие лекарственные травы и растения. Впоследствии травники были широко использованы Аптекарским приказом для снабжения аптек.

Широкое распространение имело и культивирование лекарственных растений на специальных огородах и в аптекарских садах. Согласно данным Н. А. Богоявленского[3], в XVI веке были известны огороды и «оптекарские сады на Москве, на Коломне, на Драгомилове, в Новгородской земле и в княжестве Рязанском».

Имеются сведения о существовании в то время больничных учреждений. В одной из новгородских летописей в

---

[1] Морозов Н., Русские лекари XVI века, Врачебное дело, № 3, 1952.

[2] Змеев Л. Ф., Чтения по врачебной истории России, стр. 151.

[3] Советская медицина, № 2, 1952.

1417 г. записано: «Яко же бо и во единой болнице мнози на одре лежат» [1]. При некоторых больницах, например Соловецкой, основанной в первой половине XVI века, по данным Н. А. Богоявленского, были даже специальные больничные библиотеки. Об этом свидетельствует пометка, сделанная в XVII веке на одной из рукописей: «Сия книга... живет в братской болнице». Такая же запись имеется и на другой рукописи: «Впредь велети... держати в братской болнице всегда» [2]. Когда Троице-Сергиевский монастырь во время польского вторжения в 1609 г. подвергся длительной осаде войсками Сапеги, в монастыре была организована больница — приемный покой для раненых русских воинов: «Начаша строити козною монастырскою домы многи... и больным людем обреташеся врачеве и целяху многих — и даны были болницы на раненых» [3]. После снятия осады больница не только сохранилась, но и, расширившись, обслуживала окрестное население, пострадавшее от военных действий. Согласно сведениям Э. М. Конюс [4], если и нельзя считать достоверным существование в этой больнице женского и детского отделений, то, во всяком случае, бесспорно, что женщины и дети также находили там медицинскую помощь.

Значительное распространение на Руси имели богадельни для призрения больных-хроников, инвалидов и нищих. Стоглавый собор в 1545 г. постановил: «Да повелит благочестивый царь всех прокаженных и состарившихся написати по всем градам, опричь здравия. Да в коем жде граде устроити богадельни мужеские и женские, и тех прокаженных и престарившихся и не имущих где главы подклонити, устроити в богадельнях пищею и одеждою, а боголюбца милостыню и вся потребна приносят... Да над ними приказать священникам даром да целовальникам или градским людем добрым над ними смотрити, чтобы им насильства и обиды от стряпчих не было, а священники к ним в богадельни в мужские и женские приходили и учили бы их... чтобы жили в чистоте и покаянии». Анализ писцовых книг второй половины XVI века, проведенный В. Бензиным [5], показывает довольно широкое распространение богаделен.

---

[1] Змеев Л. Ф., Чтения по врачебной истории России, стр. 141.
[2] Богоявленский Н. А., Древнерусская миниатюра как источник для изучения истории медицины, Советское здравоохранение, № 5, 1950.
[3] Змеев Л. Ф., Чтения по врачебной истории России, стр. 182.
[4] Конюс Э. М., История русской педиатрии, Медгиз, 1946, стр. 49.
[5] Трудовая помощь, № 5, 1906.

Например, в 23 уездах и вотчинах Троице-Сергиевской лавры имелось 1132 помещения для инвалидов и нищих. Материальное положение призреваемых, правда, было плохим, и они обычно были вынуждены питаться, «ходя по дворам».

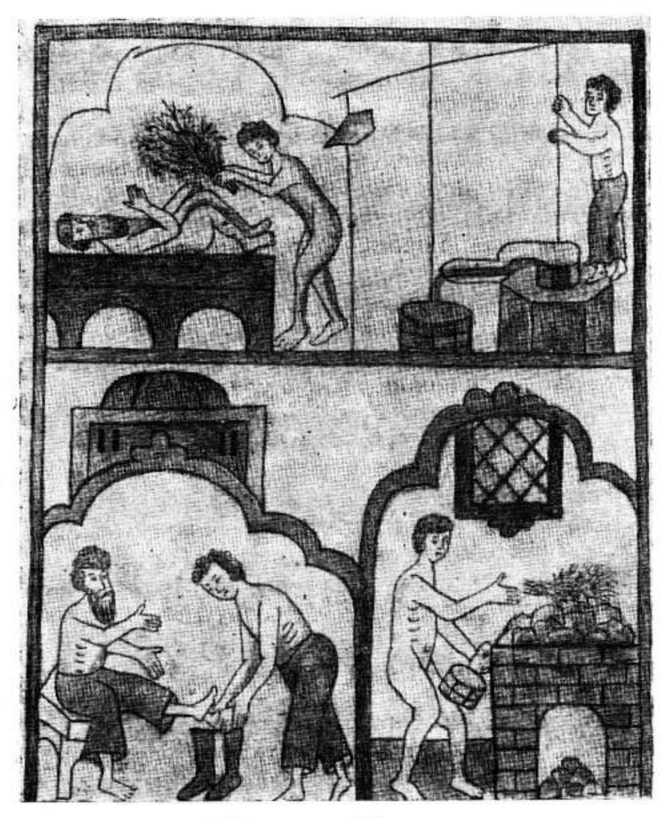

Рис. 5. Баня XVII века. Миниатюра из рукописи XVII века. (История Москвы, т. 1).

В Москве и в других городах имелось много бань как общественных, так и частных (рис. 5).

Однако все вышеуказанные мероприятия не могли, конечно, ликвидировать нищету и обездоленность широких трудовых народных масс. Богадельни не вмещали массы бездомных, нищих, больных-хроников и инвалидов, уделом которых зачастую была голодная смерть на улицах и дорогах. Особенно тяжелым оказывалось положение в голодные

годы, во время эпидемий, после пожаров. С Земского двора в Москве даже были выделены специальные лица для вывоза за городскую черту «умерших ... на пути, от глада изгибших». Для погребения бездомных в XVI веке в Москве было три «скудельницы», или «убогих дома». Один из них был расположен за Серпуховскими воротами, где покойников хоронили в общей могиле и раз в год совершали над ними общую похоронную службу.

Рассмотрим существовавшую тогда рукописную литературу медицинского характера. В рукописном сборнике Троице-Сергиевской лавры сохранилось переводное сочинение «Учение Галиново на Ипократа» (комментарии Галена к Гиппократу.— *Авт.*). «Аристотелевы врата» содержали отрывки из сочинений Разеса. В сочинениях представителей так называемой «ереси жидовствующих» излагаются учения Гиппократа, Галена и Аристотеля. К тому же времени, по всей вероятности, относится и перевод имевшей непосредственное практическое значение книги Иеронима Браунцвейгского «О пропущении вод из трав».

В ряде сочинений были разделы гигиенического содержания. Некоторые элементы пищевой гигиены есть в «Домострое», где подчеркивается необходимость следить за тем, чтобы пища была свежей: «Ествы и питие и всякая потреба покрыта и не сгнило и не поплесневело и не прокисло... суды всякие были чисты и перемыты» и т. п. Наставления относительно пищевой гигиены имеются и в «Монастырских обиходниках». Однако даваемые там советы исходят в основном из религиозно-аскетических соображений. В рукописях Троице-Сергиевской лавры XVI века Л. Ф. Змеев обнаружил статью «О летнем обхождении и воздушных переменах», где, подобно «Изборнику» Святослава (1073 г.), даются помесячные указания относительно употребления пищи. Например, в марте — «ясти сладкое, умыватся часто»; в апреле — есть молодую зелень, баранину, яйца, «вино добро и рыбы речныя и озерныя, мытся часто».

Весьма рациональные гигиенические советы имеются, согласно данным С. М. Чебана, в одной из рукописей XVI века. Автор рукописи указывает на необходимость держать всегда горло, нос и все тело в чистоте, избегать как слишком теплого, так и холодного ветра, после еды спать часа два. Подчеркивается, что «объедение и пьянство» ведут к разным недугам; больше всего есть следует зимой, а весной, осенью и особенно летом — мало; полезнее употреблять «хорошую» пищу перед «плохой». Пить за обедом надо слабое вино, так как крепкое вино «голове портит». Автор ре-

комендует: «А пий бы помаленку за столу и часто. Поколе бы ел потоле бы и пий, чтобы ества и питие вместе шла». При соблюдении этих правил «здравие... и тело крепко»[1]. Прогрессивной стороной данного сочинения является то, что автор, давая гигиенические предписания, стоит в стороне от обычных для того времени соображений религиозного характера.

В XVI и особенно XVII вв. большое распространение в Русском государстве получили рукописные медицинские сочинения, носившие лечебный характер, которые В. Ф. Груздев[2] делит на три группы: 1) «травники», 2) «вертограды» (в переводе со славянского вертоград — это сад, т. е., видимо, сад лекарственных растений) 3) лечебники — сборники. Сочинения такого характера появились на Руси очень давно. В. М. Флоринским[3] обнаружен «Зелейник или травоврач» XVII века, первоначальный вариант которого, судя по записи на заглавном листе, был составлен еще в 1306 г. При Иване III врач Кайбышев, служивший на солеварнях купца Строганова, перевел не дошедший, к сожалению, до нас лечебник. Факт существования такого лечебника подтверждается ссылкой на него одного из позднейших лечебников, в котором приведен ртутный состав, взятый из «Строгановых лекарств переводу Кайбышева». В 1534 г. с немецкого подлинника, напечатанного в Любеке в 1492 г., по указанию митрополита Даниила литовцем Любчанином была переведена «Книга глаголемая травник». В ней описаны 82 травы, начиная с полыни (абсинтиум) и кончая кувшинкой. По указанию воеводы Фомы Афанасьевича Бутурлина в г. Серпухове в 1588 г. был переведен с польского языка на русский еще один лечебник — Фалимира (оригинал издан в Кракове). В дальнейшем, особенно в XVII веке, количество травников, вертоградов и лечебников непрерывно возрастает.

Некоторые исследователи рассматривали все эти медицинские сочинения только как переводные, носящие рабски-подражательный иноземным образцам характер. Это никоим образом не соответствует действительности. Неисчерпаемая сокровищница нашей отечественной народной медицины

---

[1] Чебан С. М., К вопросу о гигиенических предписаниях в древнерусской литературе, Журнал министерства народного просвещения, январь 1913.

[2] Груздев В. Ф., Русские рукописные лечебники, Л., 1946.

[3] Флоринский В. М., Русские простонародные травники и лечебники. Собрание мед. рукописей XVI—XVII столетий, Казань, 1879, стр. XI.

широко использована переводчиками и составителями лечебников, травников и вертоградов, особенно позднейших. Согласно В. Ф. Груздеву, обработавшему 250 русских рукописных лечебников, значительная часть травников имеет отечественное происхождение. На это указывает, в частности, и то, что лекарственные дозы во многих травниках обозначены не в аптекарском весе, а «горстями», «ложками» и т. п. Травники содержат русские народные названия лекарственных трав и описание русских местностей, где они растут. Отечественный характер ряда травников сказывается в том, что в них приведено много существовавших тогда характерных местных поверий, заговоров, указаний на «чудесные» свойства некоторых трав. Кроме того, время сбора трав зачастую связано с чисто русскими религиозными праздниками. Н. А. Богоявленский [1] на основании тщательного анализа одного из вертоградов XVII века убедительно показал несомненно самобытный характер этого сочинения, автор которого, помимо рациональных сведений из иностранной научной медицинской литературы, широко использовал данные отечественной народной медицины. Переводчик-составитель прекрасно знал отечественную народную медицину, и данный вертоград, как отмечает Н. А. Богоявленский, является «продуктом свободного литературного творчества». Одним из примеров, подтверждающих это, является описание малярии и способов ее лечения. Малярийная волна приурочивается к весеннему сезону, что свойственно Восточной Европе. Для лечения малярии рекомендуются отечественные средства: свекла, петрушка, редечный сок, полынь. Следует отметить, что вертоград предназначался, безусловно, для состоятельной части населения, так как в нем приведено много рецептов дорогостоящих косметических средств. Сифилис описан только половой, а не бытовой, который имел более широкое распространение среди широких народных масс ввиду очень тяжелых жилищно-бытовых и экономических условий.

Вообще классовая направленность большинства лечебников несомненна. О лечении «людей молодших», «лечбе убогих» почти ничего не говорится, зато часто подчеркивается: «Зелия нарочитейша царем и государем», «врачевания велможам и нарочитым богатым» и др.

Однако, указывает П. Е. Заблудовский, «история медицины наглядно обнаруживает самобытность медицины народов СССР, в первую очередь великого русского народа,

---

[1] Врачебное дело, № 7, 1948.

и присущие ей передовые черты, выраженные уже в ранних стадиях, такие, как гуманность в отношении к больным, общественная направленность»[1]. Особенно эта гуманность по отношению к больному видна из различного рода русских рукописных лечебников. В то время как на Западе господствовал культ лечения каленым железом, кипящим маслом, а увлечение кровопусканием доходило до предела, составители-переводчики наших лечебников отбирали из иностранных оригиналов лишь рациональные способы лечения, которые отвечали общему направлению отечественной медицины.

В русских лечебниках в основном господствовало фитотерапевтическое направление, что, как пишет Н. А. Богоявленский, «имело глубокие корни и диктовалось своеобразной исторической обстановкой, уровнем производительных сил и социально-экономическими условиями, в которые был поставлен русский народ феодально-крепостнического периода Московской Руси. В уменьи русского народа приспособляться к окружающей природе и максимально утилизировать ее ярко сказалась его активность, свойственная ему инициатива изобретателя, врожденная русская смекалка»[2]. Травники давали рисунки лекарственных растений, иногда даже в красках. Приводились подробнейшие сведения о внешнем виде лекарственных растений и местах их произрастания. Характерную в этом отношении выдержку описания травы «проскурняк» из травника приводит Н. А. Богоявленский: «Стебел ее суковат, вышиною дву лакот или трех, цвет у себя желт имееть, а воняние аки болшева роману, листвием же та трава собою долга и остра, плевою белою обдернута, а собираем корень и листвие и цвет, егда трава цветет в маи во исходе»[3]. О широко же известных растениях авторы лечебников и травников считали «непотребно писати, коим обычаем ростуть», так как они «всеми знаеми суть». Сбор лекарственных растений определялся не только календарным расписанием, но принимались во внимание и метеорологические условия: «Некогда ино лето бывает студеностна, некогда вельми жарко». Корни лекарственных растений следовало «выкопати и очистити и велми добре обмыти и высушити, да вологость иссякнеть». Подробно описываемая методика высушивания была различна для

---

[1] Заблудовский П. Е., История медицины, Избранные главы, в. I, стр. 9.
[2] Врачебное дело, № 7, 1948.
[3] Советская медицина, № 2, 1952.

разных лекарственных растений. Например, вертоград № 12, описанный В. Ф. Груздевым, рекомендует: «Цвет свороборинной (розы) надобе сушити на ветре, а не на солнце, или отдали солнце сквозе окончину или сквозе полотенцо, часто их изворашивай». Хранились высушенные растения на чердаках или в специальных помещениях. Довольно четкие указания давались относительно стойкости действующих начал растения. Например, «корень девясилов сохраняемь есть на три лета без умаления силы его, а драгантум сохранен бываеть без умаления силы его на десять лет». Любопытно, что иногда в лечебниках читатели предупреждались о возможности фальсификации некоторых ценных лекарственных растений: «Многия оманщики, которые людей прелщають и лесного дягиля корение за огородной продають, и мастер тем прелщается и лечба несовершенна составляется».

С развитием аптечного дела в Русском государстве в медицинских сочинениях, особенно XVII века, приводилось, как указывает Н. А. Богоявленский [1], подробнейшее описание аптекарского оборудования, приготовления и назначения лекарств, а также способов лечения. В качестве примера следует указать, что прерывистое лечение малярии («трясавицы») в России применялось еще 400 лет тому назад и лекарство часто назначалось за 2—6 часов до пароксизма («до биения»). Большое внимание уделялось и вопросам дозировки лекарств: «А воду переломной травы юным отрокам даем пити 3 золотника, средним же 6 золотников, сверстным же людям 9 или 12 золотников, а которые в силе, тому даем пити в той немощи до 18 золотников».

В лечебниках XVI—XVII вв. содержится ряд сведений по педиатрии и акушерству. Исследование в этом направлении проведено Э. М. Конюс [2].

М. П. Федюшин, изучив 27 рукописных лечебников XVI—XVII вв., выяснил, что злокачественные опухоли издавна известны нашей отечественной медицине. В скорописном лечебнике конца XVII века указывается «болячка волосатик, кою латынове именуют канцер». В другом лечебнике сказано: «Канцер, а по русски рак: гнилая болячка, коя под телом ходит от места на место переходит, многие продухи имеюще; та вельми вредительна есть» [3].

[1] Советская медицина, № 2, 1952.

[2] Конюс Э. М., Истоки русской педиатрии.

[3] Федюшин М. П., Некоторые материалы к истории русской онкологии, Вопросы онкологии, в. 6, М., 1953.

О значительном распространении в то время грамотности среди господствующего класса свидетельствует то, что врачебники XVI—XVII вв. рекомендовали больным, которым по ходу лечения следовало соблюдать длительный постельный режим, читать «разные четьи, а хто охочь до браней, тому читати ратные книги, дабы им не скушно было».

Некоторые травники и зелейники, содержащие значительные элементы языческих суеверий, заговоров, заклинаний и пр., были запрещены, а владельцы их подвергались преследованию со стороны духовенства и правительства за «чернокнижие». Например, по доносу лекаря иностранца Давидки Берлова боярин Артамон Матвеев в 1677 г. подвергся допросу и последующей высылке в связи с хранением какого-то лечебника, где были записи «цыфирью», несмотря на то, что при обыске «книг непотребных и противных закону божию не нашли». Иной была судьба простых людей, обвиненных в «колдовстве». Так, некая «жонка Агафьица», обвиненная и признавшаяся под пыткой, что она «мужикам килы присаживала и невстанихии делала», по царскому указу на имя Шацкого воеводы Григория Семеновича Хитрово в 1647 г. была сожжена. «И им бы жонке Агафьице и мужику Терешке дав отца духовного, велел причастить их... вывести на площадь и, сказав им их вины и богомерское дело велел их на площади в срубе обволокши соломою, сжечь»[1].

Следует все же отметить, что «колдовских» процессов на Руси было всегда несравненно меньше, чем в то время в Западной Европе, где свирепствовавшая инквизиция замучивала и сжигала десятки тысяч людей. Кроме того, характерно отсутствие на Руси демонологии — религиозно-философского учения, развившегося на Западе на базе схоластики. Гуманное отношение русского народа к больным сказывалось и в отношении к психическим больным, возводившим на себя обвинения в «сношениях с дияволом» и пр. Таких больных после тщательного наблюдения и опроса большого числа окружающих обычно помещали в монастыри. Накладывание цепей на психических больных, которое так долго было широко распространено на Западе, в Русском государстве применялось лишь в единичных случаях по отношению к особо буйным.

Русские рукописные лечебники, как мы уже указывали, не ограничивались изложением сведений из отечественной

[1] Груздев В. Ф., Русские рукописные лечебники, Л., 1946, стр. 22.

народной медицины, но и содержали весьма значительное количество рациональных медицинских знаний, заимствованных из иностранных научных медицинских сочинений. На страницах лечебников находило место изложение основных положений работ Гиппократа, Галена и великого сына таджикского народа, выдающегося ученого и врача Ибн-Сина (Авиценны).

В XVII веке рукописные лечебники получили весьма широкое распространение. Из архивов Аптекарского приказа [1] видно, что они имелись в приказе и, по всей вероятности, служили пособием для слушателей первой лекарской школы, а также медицинскими справочниками в практической деятельности русских лекарей.

Очень много фактического материала о состоянии медицинского дела в Русском государстве содержит упомянутая нами в первом разделе работа Н. А. Богоявленского [2]. Изученные автором миниатюры дают большое количество сведений о раненых, больных и способах их лечения. Имеются зарисовки «древяниц» (костылей), «околяров» (очков), аптечного инвентаря и посуды, различных диагностических и лечебных приемов и процедур, изображены способы перевозки раненых, больных и пр. Некоторые миниатюры изображают отдельные моменты физического и воинского воспитания.

Уже с XV века в Русское государство для службы при дворе приезжали сами или приглашались иностранные медики. Предполагают, что в свите жены Ивана III Софьи Палеолог в 1473 г. был врач, привезенный ею из Рима. Существует летописная запись о прибытии в Москву в 1485 г. немецкого врача: «Того же лета врач некий немчин Онтон приехал к великому князю, его же в велицей чести держа велики князь: врачева же князя Каракучю царевичева Даньярова да умори его смертным зелием за посмех. Князь же велики выда его сыну Каракучеву... они же сведше его на реку на Москву под мост зиме, да зарезаша его ножом яка овцу» [3]. Аналогичная судьба постигла в 1490 г. и другого лекаря «жидовина мистра Леона», который «похвалялся» излечить сына великого князя, причем обусловливал: «А не излечу из, и ты мене вели казнити смертною казнью».

---

[1] Материалы для истории медицины в России, в. 4, СПБ, 1885, № 1348, стр. 897—899.

[2] Советское здравоохранение, № 5, 1950.

[3] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 67.

Больной не только не поправился, но «ему бысть тягчае и умре». После смерти сына великий князь приказал лекаря «казнити смертною казнью, головы ссещи».

Однако, как справедливо указывает Д. Цветаев [1], факт казни этих врачей, которые едва ли отличались врачебными познаниями, не удивителен для того времени, когда и в Западной Европе подобная расправа с докторами случалась после смерти больных, даже не занимавших столь высокого положения. В том же 1490 г. великий князь уже просит австрийского императора прислать в Москву квалифицированного врача, «доброго, который бы ведом был на внутренние болезни и раны». При Василии Ивановиче при дворе были уже три врача: лекарь Марк, Николай Луев и Феофил.

Летописные записи того времени рисуют картину заболеваний царей и способы применявшегося лечения. Так, в 1534 г. великий князь Василий Иванович заболел: «Явися мала болячка на левой стране, на стегне, на сгибе с булавочную голову, врьху у нея несть, ни гною в ней несть же, а сама багрова». Придворные врачи Николай и Феофил взялись за лечение. «Начаша прикладывати к болячке муку пшеничную с медом пресным и лук печенный, от того болячка нача рдетися; они же начаша более прикладывати, и учинися на болячке аки прищ мал и появися в нем мало гною. А из болячки мало гною изсякаючи, врьху же у нея несть; рана же у нее аки иглою уткнута, а не прибудет ея, не убудет. И повеле же кн. вел. прикладывати масть к болячке и нача из болячки идти гной по малу, и поелику больша, яко до полутазу и по тазу... И тогда же в грудех ему бысть тягость и того ради взяша горошки и семянники и с той пронесе ему на низ, а болезнь его тяжка; и после того порушася ему ества... И тогда же... выйде из болячки гною яка более таза и выйде из нее стержень более полутора пяди, но еще не весь стержень выйде из нее» [2]. Вскоре князь, несмотря на все применявшиеся меры, умер. Замечательная четкость описания симптоматологии и течения этого заболевания (по всей вероятности, особо злокачественно протекавшего карбункула) с несомненностью указывает, что автор летописной записи обладал медицинскими познаниями на уровне своего времени.

---

[1] Цветаев Д., Медики в Московской России и первый русский доктор, Варшава, 1896, стр. 12.

[2] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 68—69.

В дальнейшем, при Иване IV и последующих царях царская семья продолжала всегда пользоваться услугами иностранных врачей, причем на русскую службу приглашались наиболее квалифицированные специалисты, имевшие специальные рекомендательные письма. Так, в 1581 г. английская королева Елизавета прислала Ивану IV своего лейб-медика Роберта Якоби с письмом следующего содержания: «Посылаю тебе доктора Роберта Якоби, как мужа искуснейшаго в лечении болезней; уступаю его тебе, брату моему, не для того, чтобы он был не нужен мне, но для того, что тебе нужен. Можешь смело вверить ему свое здоровие. Посылаю с ним в угодность тебе аптекарей и цирульников волею и не волею, хотя мы сами имеем недостаток в таких людях» [1].

В единичных случаях по указанию царя Ивана IV его врачи посещали больных бояр. В том же 1581 г. прибывшим из Англии Джемсом Фрэнчаном была организована в Москве аптека для нужд царского двора.

---

[1] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 70—71.

III. ЭПИДЕМИИ НА РУСИ И БОРЬБА С НИМИ

Пытаясь опорочить развитие медицинских знаний в России, некоторые историки медицины утверждали, что появление карантинных мероприятий в Русском государстве следует относить лишь к пятидесятым годам XVII века, ко времени эпидемии чумы в Москве. Подобное утверждение имеет целью связать возникновение противоэпидемических мероприятий в Русском государстве с деятельностью приглашенных иноземных медиков. Однако это опровергается историческими фактами.

Понятия о «прилипчивом» (заразном) характере эпидемических заболеваний и о необходимости изоляции больных, а также широкое применение мер изоляции с целью предупреждения дальнейшего распространения эпидемий уже издавна известны русскому народу. В Западной Европе в то время противоэпидемические знания были развиты не более, чем в Русском государстве. Поэтому приезжавшие иностранные медики могли лишь официально расширять внедрение известных и ранее применявшихся на Руси рациональных карантинных мероприятий.

Крупные эпидемии и пандемии, игравшие большую роль в истории и ярко запечатлевшиеся в сознании общества, как пишет П. Е. Заблудовский, часто находили отображение и в немедицинской литературе, в летописях, воспоминаниях современников, сказаниях и песнях, а также в художественной литературе [1]. Особенно ценными историческими документами, описывающими различные эпидемические заболевания на Руси и меры борьбы с ними,

[1] Заблудовский П. Е., История медицины, Избранные главы, в. I, стр. 18.

являются соответствующие летописные записи (рис. 6). Эпидемии на территорию Руси могли заноситься как с Востока, так и из Западной Европы. Тяжелое экономическое положение угнетенных трудящихся масс, неурожаи и голод, частые войны, естественно, способствовали широкому распространению эпидемических заболеваний. Сле-

Рис. 6. Образец записи об эпидемии «смертоносныя язвы» в Новгороде в 1562 г. (Госуд. публ. б-ка АН УССР, отдел рукоп., $\frac{320}{188}$-с, л. 26).

дует отметить, что неизбежным отражением религиозных воззрений летописцев, в большинстве случаев монахов, являются попытки некоторых летописцев связать возникновение эпидемий с различными «знамениями» в небе и пр.

Известны летописные записи об эпидемических заболеваниях еще в X веке. Так, в 979 г. была, по всей вероятности, эпизоотия и эпидемия сибирской язвы. «Быша знамения в луне и в солнце и в звездах и быша громы велицы и страшни и ветры сильны с вихром и много пакости бываху человеком и скотом и зверем лесным и полским»[1]. В 1042 г. был сильный падеж лошадей в новгородских войсках Владимира Ярославовича. Свирепствовавшая с 1058 по 1060 г. в Западной Европе пандемия чумы, из-за которой пришлось отложить заседания собора, созванного

[1] Эккерман В., Материалы для истории медицины в России (история эпидемий X—XVIII вв.), Казань, 1884, стр. 1.

в Вормсе, проникла и на территорию Руси. В 1060 г. «изомроша вси Тороки». Описывая эпидемию в Полоцке, летописец связывает ее появление с действиями «бесов»: «Предивно бысть в Полотьсце мечты быша в нощи, тутняше и стоняше по улицам, яко человецы рыщуще беси; и аще кто вылазяше из истбы или, хотя видити, окно отворяюще абие уязвлен бываше невидимо от бесов язвою и с того умираху;... посем же нача и в день являтися... и так уязвляху люди Полотские и их область»[1]. Подобные суеверные взгляды на возникновение чумы были вообще свойственны той эпохе. Например, описатель юстиниановской чумы в VI веке тоже писал, что заболевали и умирали те, которых некий встречавшийся «дух» в образе мужчины или женщины касался или ударял. В 1090 г. в Киеве за три месяца умерло 7000 человек. «В си же времена в Киеве мнози человецы умираху различными недуги, яко... продаху 7000 корст[2] от Филиппова дня до мясопуста»[3]. Л. Ф. Змеев предполагает, что это была эпидемия инфлуэнцы, распространившаяся затем в Западной Европе.

Эпизоотия среди лошадей в новгородском войске Мстислава при походе на Чудь была и в 1115 г.: «У новгородских воев Мстислава изомроша вси кони»[4].

Некоторые летописные записи об эпидемиях дают весьма четкое описание симптомов возникновения и течения заболевания. Примером может служить запись в Никоновской летописи о чуме 1364 г.: «Болезнь же бысть сицева: прежде яко рогатиною ударит за лопату, или под груди противу сердца, или меж крил, и тако разболевся человек, начнет кровию харкати, и огнь зажжет и разворит, и потом пот великий пойдет, также потом дрожь имет, а полежав день един или два, а ретко того кто бы полежал три дни, и тако умираху; а еще железою боляху, не единако: инему убо на шии, иному же на стегне, иному же под пазухой, иному за лопаткою»[5].

На Руси давно был понят заразный характер эпидемических заболеваний и, наряду с обычными для той

[1] Змеев Л. Ф., Чтения по врачебной истории России, стр. 115.
[2] Гробов.
[3] Змеев Л. Ф., Чтения по врачебной истории России, стр. 115.
[4] Там же, стр. 116.
[5] Райнов Т., Наука в России XI—XVII веков, М.—Л., 1940, стр. 221.

эпохи молитвами о прекращении «мора», постройкой «обыденных» церквей (т. е. выстроенных в течение одного дня), предпринимался ряд рациональных мероприятий по борьбе с дальнейшим распространением эпидемий. Так, в 1128 г. во время голода и сильной эпидемии в Новгороде, когда трупы погибших валялись по городу, была предпринята организованная вывозка трупов из города: «Ядяху лист липов, кору березову инии молиц[1] истелекше мешающе с пельми[2] и с соломою, инии ушь, мех и трупие всюду, наяша наймиты возити мертвеця из города; а смородем нельзе вылезти»[3]. Во время новгородской эпидемии 1214 г., когда «мерли мнози человеци, пся ядяху по улицам телеса их и бысть зло», была принята новая мера — трупы умерших стали хоронить в общих могилах — «скудельницах»: «Поставиша скудельницю и наметаша полну»[4].

Контактирование значительного числа лиц с трупами при их вывозке и похоронах все же не могло не способствовать дальнейшему распространению эпидемий. Поэтому важным этапом в развитии на Руси противоэпидемических мероприятий следует считать выделение в 1230 г. во время эпидемии в Новгороде специального человека для вывозки и потребения в «скудельнице» погибших: «Постави скудельницю у святых апостол в Яме на Пруской улици и пристави мужа блага, смерена, именем Станила, возити мертвеця на кони, где обидуце по городу и так безпрестана по вся дни влачаше и наполни до верха, иже бысть в ней числом 3000 и 30, а конец Легоши улицы, а в ней полчетверта тысящи»[5].

Когда в 1352 г. в Новгороде была сильная эпидемия легочной формы чумы («хракнет человек кровью и в 3 день умираше и быша мертвии повсюду»), новгородцы решили «костры нарядити в Орехове» по западной новгородской границе, со стороны предполагаемого движения инфекции[6]. Таким образом, к 1352 г. следует отнести появление на Руси зачатков пограничного оцепления. На рис. 7 приведе-

---

[1] Гнилушки.

[2] Мякина, шелуха.

[3] Петровский Д., Врачебная старина и быт врачей времен первого государя дома Романовых царя Мих. Федор., Харьков, 1914, стр. 41.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. 42.

[6] Там же.

на миниатюра XVI века, изображающая заградительную линию из костров, создаваемую с целью воспрепятствовать дальнейшему распространению эпидемии («морового повет-

Рис. 7. Меры против проникновения в Москву «морового поветрия». Заградительная линия из костров по реке Оке. Миниатюра из Лицевого свода XVI века. (История Москвы, т. I).

рия»). Согласно летописным записям XIV века, уже тогда было четко осознано, что инфекция может передаваться через одежду и вещи погибших: «Видяще друг друга скора умирающе и сами на себя то же ожидающе, имения своя

дояху убогим и нищим и никтоже не взаимаше; аще бо кто что у кого возьмет, в той час неизцелено умираху»[1].

Впервые на Руси внутренний карантин был применен в 1521 г. во время эпидемии в Пскове. По свидетельству летописца, умирали «мужи и жены, старыя и младыя, а от гостей и от лутчих людей без мала вси не изомроша... и первое почаша мерети на Петровской улицы у Юрья у Табулова у сведеного, и князь Михайло Кислица велел улицу Петровскую запереті с обею концов»[2]. Объем территориальной изоляции при возникновении эпидемий в дальнейшем продолжал расширяться. В 1552 г. с целью не допустить проникновения в Новгород чумы, свирепствовавшей в Пскове, был издан чрезвычайно строгий приказ о немедленной высылке из Новгорода всех псковских купцов с товарами, чтобы «все они ехали вон, часа того, из Новагорода с товаром с каким нибуди. А поимают гостя Псковитина назавтрее в Новегороде с товаром с каким нибуди, ино его выведши за город сжечи с товаром; а в Новегороде вымут во дворе Псковитина, ино дворника бити кнутом, а Псковитина сжечи». Были также установлены и специальные карантинные заставы: «И бысть застава на псковской дороге, чтобы гости с товаром не ездили во Псков, ни изо Пскова в Новгород»[3]. Аналогичные же меры были приняты и в Пскове во время чумной вспышки в 1568 г. в Новгороде: «Стражи те поставлены стерещи от мору... Многие люди помроша, а которые люди побегоша из града и тех людей беглецов имаше и жгоша»[4].

Во время чумы 1572 г. в Новгороде была применена уже целая система строжайших мероприятий: заставы, изоляция отдельных участков города, где отмечались заболевания, похороны погибших от чумы за городской чертой, а также запрещение религиозных церемоний над чумными трупами. «Кои люди есть на них знамя смертоносное у церкви погребати не велели, а велели их выносити вон за город... по Волхову вниз за шесть верст... и поставили по улицам заставу и сторожей: в которой улице умрет человек знаменем

---

[1] Лахтин М., Борьба с эпидемиями в до-Петровской Руси, М., 1909, стр. 8.

[2] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 319.

[3] Там же, стр. 319—320.

[4] Змеев Л. Ф., Наши первые карантины не там, где их искали, Еженедельная клиническая газета, № 5, 1888.

и те дворы запирали и с людьми и кормили тех людей улицей и отцам духовным покаивати тех людей знаменных не велели, а зачнет который священник тех людей каяти бояр недоложа ино тех священников велели жещи с теми же людьми с больными»[1].

Наряду с установлением изоляционно-карантинных мероприятий при возникновении эпидемий на территории Русского государства принимались также меры и для выяснения возможной опасности проникновения инфекционных заболеваний из других, главным образом граничащих с Русским государством, стран. Так, еще в 1499 г. Иван III приказал своему послу боярину Ивану Мамонову, отправленному с различными политическими поручениями, навести также справки относительно заболеваемости сифилисом, который тогда называли «французской болезнью»: «Пытати ему в Вязьме кн. Бориса: в Вязьму кто не приезживал ли болен из Смоленска тою болестью, что болячки мечются, а словет францозскаа, а будто в вине ее привезли. Да и в Смоленску о том опытати, ешо ли та болесть есть, или нет, да о том к вел. кн. отписати; да и в Вильне о том пытати, есть ли ешо та болесть, или нет»[2]. Показательно в этом отношении и дело, помещенное в опубликованном И. Ф. Токмаковым катологе приказных дел, относящихся к 1666 г.: «Отписки из Новгорода касательно снятия по рубежу застав, учрежденных для охранения от морового поветрия, и посылка притом переводов с писем Рижского, Ругодивского и Колыванского губернаторов в рассуждении слуха о моровом поветрии в Англии и Голландии. О допрашивании приезжих иностранцев о моровом поветрии и о присылке их допросов в Посольский приказ»[3].

Строгая система изоляционных мероприятий, применявшаяся в Русском государстве при возникновении эпидемий в XVII веке, продолжала совершенствоваться и развиваться.

В начале XVII века во время эпидемии в Москве Борис Годунов издал приказ о выделении специальных людей для погребения трупов в специально отведенных для этого местах: «Повеле мертвых людей в убогих домах погребати

---

[1] Змеев Л. Ф., Чтения по врачебной истории России, стр. 168.

[2] Герман Ф. Л., Врачебный быт допетровской Руси, стр. 26.

[3] Московского Главного архива министерства иностр. дел каталог делам и рукописям Аптекарского приказа и иным, относящимся к медицине с XV столетия, составленный библиотекарем Архива И. Ф. Токмаковым, М., 1879.

и учреди к тому людей, кому те трупы збирати»[1]. Когда в Москве стало известно об эпидемии в Польше и Литве, то был издан указ о временном прекращении торговых и других связей с этими странами, причем на заставы назначались наиболее надежные «боярские дети», которым можно верить. «В Польше и в Литве на люди моровое поветрие и голод великий и литовские люди умышленьем нарочно хотят из моровых мест посылати с купецкими людьми... в городы всякие товары и продавати дешевою ценою». Поэтому приказывалось «по порубежным местам по всем дорогам поставити заставы крепкия детей боярских добрых, кому мочно верить»[2].

Строгие карантинные меры были предприняты во время эпидемий в Брянском (1628 г.), Коломенском (1631 г.) и в Вяземском (1643 г.) уездах, причем всем, кто проникнет через линию застав, а также и тем, которые пропустили бы через карантинную линию «по дружбе или за взятку», угрожала смертная казнь.

Чумная эпидемия 1654—1656 гг. в Москве вызвала введение строжайшей системы изоляции. В это время происходила война с Польшей, и царь с войском находился под Смоленском. Поэтому заставы были, прежде всего, установлены «...на Можайской дороге и по иным, которыми ездят с Москвы под Смоленск, чтобы с Москвы под Смоленск не ездили, да по дорогам же на Троицкой, на Володимерской и на иных, которые всяких чинов люди поедут под Смоленск, чтобы ездили не займуя Москвы»[3]. Затем был изолирован московский царский дворец, а в комнатах, где хранилась царская одежда, были даже замазаны окна и двери.

Любопытный случай произошел во время переезда царской семьи в Калязин монастырь. Когда стало известно, что через дорогу, по которой должно было проехать царское семейство, перевезен труп женщины, погибшей от чумы, то был сейчас же издан указ: «В котором месте через болшую дорогу тело Ивановой жены Гавренева перевезли, и сыскав допряма, на том месте на дороге и по обе стороны дороги, сажен по десяти и болши, накласть дрова и выжечь

---

[1] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 322—323.
[2] Там же, стр. 323.
[3] Там же, стр. 324—325.

то место гораздо и уголье с тое дороги и пепел с землею велеть свезть, а на то место насыпать новыя земли; а в ширину выжигать та дорога на сторону сажен по десяти и болши, а землю, которою засыпать, имать издали, а не близко тое дороги» [1].

Вскоре на всех дорогах, ведущих к Москве, были поставлены заставы. Гонцы на заставах выдерживались в карантине: «Велеть держать за заставами недели по две, по три... а велеть стоять им за заставою неблизко» [2]. Все донесения о московских делах царь получал не в подлиннике, а в несколько раз переписанной копии, причем предыдущие копии сжигались: «Переписать через огонь и справя подлинныя отписки сжечь, а с тех отписок списки запечатав в лист печатью послать с стрельцом в Троицкой Сергиев монастырь ко властям тотчас, а они, списки списав же, прислали к Колязину монастырю не замотчав» [3]. В Москве те дома, в которых наблюдались случаи смерти от чумы, подвергались самой строгой изоляции: «Из тех бы дворов досталных людей выпускать не велети и велети те дворы завалить и приставить к тем дворам сторожи крепкие, чтоб из тех дворов отнюдь никто не выходил» [4]. Строгие мероприятия были введены также и в ряде других городов и уездов страны. Населению запрещалось принимать у себя беженцев из Москвы. Например, в 1654 г. населению Устюга и окрестностей предписывалось: «... а будет кто кого учнет к себе пускать и держать у себя тайно, а после про то сыщется, и тем людем быть за то в смертной казни безо всякия пощады» [5].

Большое внимание уделялось предупреждению переноса инфекции через одежду. Одежда погибших от чумы подлежала уничтожению. Характерен такой случай: ярославский воевода должен был купить в Ярославле 3000 «кафтанов шубных» и выслать их в Смоленск для войска. Однако, когда в Ярославле появилась чума, то 15 февраля 1655 г. был получен приказ, «чтобы кафтан в Ярославле держать до указу с бережением и больше того не покупать» [6].

С целью дезинфекции в то время применялось вымораживание: вещи выставляли на мороз, двери домов откры-

[1] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 326.
[2] Там же, стр. 327.
[3] Там же, стр. 353.
[4] Там же, стр. 325.
[5] Там же, стр. 327.
[6] Там же, стр. 345.

вали настежь, «чтобы в них от морозу гораздо прозябло», после чего топили три дня можжевеловыми дровами и полынью. Тела погибших зарывались вдали от жилых мест, глубоко в землю, чтобы «собаки и звери их не вырыли» [1]. Применялось даже обмывание денег. Например, в 1658 г. воеводе Репнину царский указ предписывал: «А которая наша денежная казна з великого Новгорода привезена к заставе и вы б тое нашу денежную казну велели перемыть, а перемыв велели ее везти к нам к Москве» [2].

Чумные эпидемии уносили огромное число человеческих жизней. Показателен в этом отношении ответ князя Ивана Андреевича Хилкова на запрос царицы и царевича, которые жили во время эпидемии в Калязином монастыре, относительно хода эпидемии в Москве: «... а в черных, государи, сотнях и в слободах жилецкие всякие люди многие померли, а осталась самая малая часть; а стрельцов... и с один приказ не стало, многие померли, а иные розбежались, а которые... остались, и те многие больны; а дворовых... мест на Москве, в городе и за городом слобод жилецких и стрелецких ничего нет, а торговые люди в лавках ни в которых рядех... и в харчевнях не сидят, а ряды все заперты... а на боярских... и окольничих и думных и ближних людей на дворех нынеча в остатке человека по два и по три есть» [3].

Чумная эпидемия 50-х годов с ее огромными человеческими жертвами обусловила еще более строгие и тщательные изоляционно-карантинные мероприятия, а также усиление контроля над возможностью проникновения эпидемических заболеваний из других местностей и стран. Следует, конечно, отметить, что бюрократизм царского правительственного аппарата не мог не тормозить срочного введения противоэпидемических мероприятий при возникновении эпидемий.

Не повторяя описания изоляционных мероприятий, ставших в то время обычными при вспышке эпидемий, укажем, что после чумной эпидемии 50-х годов обращалось также особое внимание на изоляцию и выдерживание в карантине даже одиночных больных, подозреваемых на «моровое поветрие». Например, в 1662 г. «сидели в Стрелецком при-

---

[1] Лешков В., Что и как делалось в древней Руси на пользу народного здравия, М., 1854, стр. 71.

[2] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 348.

[3] История Москвы, т. 1, стр. 518—519.

казе в ворожбе колодницы — стрельчиха да безсметная старица, и та стрельчиха на ту старицу извещала, что де у той старицы отрыгнула прежняя язва, которая у ней была наперед сего в моровое поветрие». Немедленно было приказано «ту старицу и женку стрельчиху, которая на нее извещала... отвесть по Дмитровской дороге верст с 15 и больше... в большом лесу от большия дороги в стороне обсечь накрепко и поставить караул стрельцов — десятника, а с ним 5 челов. стрельцов, и тем стрельцом... смотреть и беречь накрепко под смертною казнью, чтоб они, обсекши ту старицу и женку, были безотступно и по деревням никуда ни для чего не ходили, и смотрели и берегли того накрепко, чтоб к ним никаков человек ни откуда не приехал и не пришел никоторыми обычаи»[1].

С целью предупреждения возможности переноса инфекции и для лечащих врачей устанавливался особый карантин: если кто-либо из врачей Аптекарского приказа посещал больного инфекционным заболеванием («прилипчивого больного»), то этот врач был обязан определенное время находиться у себя дома, никуда не выезжая. Так, в 1658 г. «у Богородицкого протопопа у Михаила умерла жонка скорою смертью, и тое жонку осматривали дохтур Лев Личифинус да лекарь Осип Боржо да Стрелецкого приказу подъячий Тимофей Антипин». Ввиду подозрения на смерть от инфекционного заболевания врачу, лекарю и подъячему, осматривавшим труп, было приказано безвыходно находиться дома — «быть на своих дворех» — до особого указа; карантин в данном случае был выдержан 14 дней[2].

Для предохранения царя и его приближенных от возможности инфицирования в 1680 г. был издан указ о запрещении появляться в царском дворце и участвовать в походах больным «боли огневою или лихорадкою и оспою или иными какими тяжкими болезнями». Нарушение этого приказа влекло за собой суровые наказания: «За такую их бесстрашную дерзость и за неостерегательство его государева здоровья, по сыску, быть в великой опале, а иным и в наказаньи и в разореньи, без всякого милосердия и пощады»[3].

---

[1] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 341.

[2] Герман Ф. Л., Как лечились Московские цари (медико-исторический очерк), К., 1895, стр. 105.

[3] Там же, стр. 107.

Дошедшие до нас летописи содержат целый ряд записей относительно больших эпизоотий (очевидно, сибирской язвы) на территории Русского государства. Введение рациональных мероприятий с целью прекращения дальнейшего распространения эпизоотий следует отнести к первой половине XVII века. Активная борьба, которая велась с эпизоотиями, объясняется и тем, что была отмечена возможность заболевания и смерти людей, имевших контакт с трупами павших животных. Например, в 1631 г. из Коломенского уезда сообщили, что «на люди де та язва пала от лошадей». В 1640 г. поступило донесение из Брянска: «Во Брянском уезде в Воротнецкой волости от города во 120 верстах учинилось первое падеж на лошади, а после учинилось моровое поветрие на люди от конского падежу, как почали с падежных с лошадей кожи снимать»[1]. Аналогичные донесения поступили в 1643 г. из села Хуповны, в 1655 г. из Кашинского уезда и др. Уже в 1631 г. в Коломенский уезд, где возникла эпизоотия, был послан приказ, чтобы с павших животных шкур не снимали и закапывали их на глубину до 2 саженей. Весьма подробный и четкий указ по этому поводу был издан 5 августа 1640 г.: «... бирючем же велеть прокликать не по один день, чтоб и в Московском уезде, и в волостях, и в селах, и в деревнях, и на погостах, и в украинных, и в замосковных, и в понизовых, и во всех городах, и в уездах, всякие люди с падежных лошадей и со всякия падежныя животины кожи не снимали, копали б падежныя лошади и всякую падежную животину в землю на полых местах и в лесах не близко сел и деревень, да и больных животин никто никому не продавал и никто ни у кого больных животин не покупал и к Успеньеву дню и после Успеньева дня больныя жив. на продажу никто не убивал, чтоб от падежныя и от больныя животны на люди морового поветрия не нанесло»[2]. Касаться руками трупов павших животных было запрещено, стаскивать их в ямы предписывалось веревками и шестами.

Для скорейшего прекращения эпизоотии применялась и специальная изоляция зараженных местностей путем установления «застав» на проезжих дорогах: «... да будет по сыску где объявится на лошади и на иную животину па-

---

[1] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 370.

[2] Там же, стр. 372.

деж... в тех местах и по дорогам поставить заставы крепкия и села и деревни засечь и из тех сел и деревень никуда с лошадьми и со всякою животиною пропускать и продавать не велели покаместь... поветрие минется»[1]. Переписка с зараженными местностями во время эпизоотий происходила с такими же мерами предосторожности («через огонь»), как и во время эпидемий, и в Москву поступала лишь третья-четвертая копия.

Таким образом, из краткого обзора видно, что для борьбы с эпидемиями и эпизоотиями в Русском государстве существовала четко выработанная система рациональных карантинных мероприятий, заключавшихся в основном в изолировании как отдельных больных, так и целых местностей, погребении умерших вне населенных мест и дезинфекции зараженных помещений путем окуривания, вымораживания и прогревания.

---

[1] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 377.

IV. АПТЕКАРСКИЙ ПРИКАЗ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

XVII век в Русском государстве, как указывает В. И. Ленин, характеризовался «действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое». Это слияние «вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»[1]. Расширение и укрепление экономических связей между различными частями страны способствовало дальнейшему экономическому и культурному развитию русского государства. Яркую картину дальнейшего расцвета культуры Русского государства в XVII веке рисует «История Москвы».

В XVII веке наука и просвещение проникают уже не только в круги феодалов и духовенства, но и в торгово-промышленную часть населения. Так, в Москве в Мещанской Слободе в 90-х годах XVII века, судя по подписям на приговорах слободского схода, среди зажиточной части населения было до 50% грамотных. Кроме одновременного обучения грамоте и ремеслу у специалистов ремесленников, чтению и письму обучались посредством уроков у грамотных. Есть указания на существование в Москве начальных школ при некоторых приходских церквах. Грамоте обучались по широко распространенным уже в то время букварям. Например, букварь, составленный подьячим Василием Бурцовым, стоил всего «две деньги». Показательно, что за вторую половину XVII века Печатный двор в Москве издал более 300 тысяч букварей. В середине XVII века (1648 г.) в Москве была издана грамматика украинского ученого

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137.

Мелетия Смотрицкого, в 1682 г. напечатана таблица умножения, имелись учебники арифметики.

Существовали в то время не только начальные школы. В 1668 г. в Китай-городе была попытка организации при тамошней церкви «гимнасиона» для обучения «грамматической хитрости языков: словенского, греческого и латинского и прочих свободных учений» [1]. В 1665 г. с целью подготовки образованных подьячих, особенно для службы в Посольском приказе, при Спасском монастыре в Москве была открыта школа, для которой даже построили специальные «деревянные хоромы». Во главе школы был поставлен Симеон Полоцкий. В 1680 г. открылась школа при Печатном дворе, число учеников в ней к 1686 г. достигло 66 человек. В 1687 г. было создано «Славяно-греко-латинское училище», потом переименованное в академию. Училище это давало широкое общее образование: «учение свободных мудростей, ими бо возможно обрести свет разума души» [2].

В XVII веке среди русского общества усиливается стремление к изучению философии, истории, астрономии, географии, естественных наук, к обобщению технического опыта. Наиболее образованные представители придворной знати имели собственные библиотеки как на русском, так и на иностранных языках. Например, Ордын-Нащокин выписал для себя из-за границы 82 латинские книги.

Москва, являясь экономическим и культурным центром страны, занимала ведущее положение в развитии научной мысли.

Экономические и культурные связи Русского государства с братским украинским и белорусским народами, особенно усилившиеся после воссоединения Украины с Россией, взаимно способствовали дальнейшему развитию экономики и культуры. Приобрела известность переводческая деятельность киевских ученых старцев Арсения Сатановского и Дамаскина Птицкого, а также белорусского ученого и поэта Симеона Петровского-Ситниановича (Полоцкого) и др.

В XVII веке происходит дальнейшее благоустройство Москвы и в санитарном отношении. Как и в XVI веке, мусор и нечистоты вывозятся за город. Весной, после того как сходил снег, монастыри и состоятельные граждане на-

---

[1] История Москвы, т. 1, стр. 614.
[2] Там же.

нимали специальных батраков и извозчиков чистить дворы и «возити грязь» за город. В городе непрерывно увеличивались размеры замощенной площади, причем мощение улиц обычно вменялось в обязанность домовладельцам. Мостовые были деревянные, из двух-трех саженных бревен. В 1601 г. в Москве был сооружен водопровод «из Москвы-реки на государев двор на Конюшенной на большой, по подземелью великою мудростию»[1]. В 1633 г. Свибловскую башню Кремля приспособили в качестве водонапорной, обслуживавшей дворцовые здания. В верхнем этаже был устроен большой бак, выложенный свинцом. В этот бак накачивалась вода, поступавшая далее по свинцовым трубам «на царский двор ради великого потребления»[2]. Для наблюдения над работой и ремонта водопровода имелся специальный «водовзводного дела мастер» и целый штат кузнецов и плотников. Следует отметить, что кремлевский водопровод не был единственным в государстве. Есть данные о существовании водопроводной сети из свинцовых труб и в некоторых монастырях. На это указывает миниатюра, приводимая А. В. Арциховским[3]. О водопроводе с использованием деревянных труб в Новгороде в XI-XII вв. мы уже упоминали.

Однако, как и прежде, все эти культурно-просветительные и санитарные мероприятия мало касались широких трудящихся масс города и села.

Большую роль в развитии медицинского дела сыграло образование Аптекарского приказа, относящееся к концу XVI века, по всей вероятности, ко времени царствования Ивана IV. В писцовых книгах Вяземского уезда 1594—1595 гг. записано: «А преж того было за Дмитрием за Михайловым сыном Быкова, а осталось за мерою Обтекарского приказу у подьячего у Никифора Гаврилова»[4]. К концу XVI века Аптекарский приказ начал оформляться. Это подтверждается Маржеретом, побывавшим в Москве в 1600—1601 гг. и опубликовавшим в Париже в 1602 г. о своем путешествии книгу «Etat de l'empire de Russie», впоследствии переведенную на русский язык. В ней сказано: «Важнейшее в России достоинство есть сан конюшен-

---

[1] История Москвы, т. 1, стр. 238.

[2] Там же, стр. 496.

[3] Арциховский А. В., Древнерусские миниатюры как исторический источник, М., 1944, стр. 202.

[4] Калачов Н. В., Писцовые книги XVI в., т. I, СПБ, 1877, стр. 811.

ного боярина, за ним следует аптекарский боярин, главный начальник медиков и аптекарей»[1]. Все же фактическая деятельность Аптекарского приказа, подтверждаемая сохранившимися обширными архивными материалами, развернулась с двадцатых годов XVII века.

Основной функцией Аптекарского приказа, особенно в начале его организации, было «остерегательство великих государей здоровья». Естественно поэтому, что во главе приказа всегда стояли наиболее знатные и близкие к царю бояре. Так, в 1629—1633 гг. приказом ведал князь И. Б. Черкасский, в 1643—1645 гг. — боярин Ф. И. Шереметьев, в 1646—1648 гг. — боярин Б. И. Морозов и дьяк Микифор Валцов, в 1648 г.— князь Я. К. Черкасский, в 1651—1669 гг. — боярин И. Д. Милославский, при котором были дьяки Иван Десятово, Михаил и Ефрем и подьячие Иван Зуев и Юрий Десятово и др. Помещался Аптекарский приказ, по мнению Н. П. Загоскина, в Кремле, против Чудова монастыря и соборов, где было размещено большинство приказов того времени.

В ведении Аптекарского приказа состояли все лица, имеющие отношение к медицинскому делу. Врачебный персонал делился тогда на три категории — докторов, аптекарей и лекарей: «Дохтур совет свой дает и приказывает, а сам тому неискусен; а лекарь прикладывает и лекарством лечит и сам не научен; а обтекарь у них у обеих повар»[2]. На службе в Аптекарском приказе состояло значительное число медицинских специалистов. Например, уже при Михаиле Федоровиче было 7 докторов, 13 лекарей, 4 аптекаря, 3 алхимика и 1 окулист. Даже в отписке Михаила Федоровича архангельскому воеводе (1627 г.) сказано: «У государя есть дохтуры иноземцы многих земель и природные московского государства». Аптекарский приказ приглашал медицинских специалистов из-за границы, выдавал им жалованье, увольнял со службы, ведал подготовкой русских медицинских специалистов и пр. Лица, состоящие в ведении Аптекарского приказа, были также и подсудны ему.

Бюджет приказа покрывался за счет поступлений денег из приказов Большого дворца, Большой казны и др. Например, в 1681—1682 гг. он составлял 10 008 руб. Иногда

---

[1] Маржерет, Состояние Российской державы, СПБ, 1830, стр. 48.
[2] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 88.

из Сибирского приказа получались меха (соболь, куница), которыми зачастую уплачивалась часть жалованья. Поступали в Аптекарский приказ и доходы от открытой во второй половине XVII века в Москве Новой аптеки, а также от приписанных к приказу сел.

По характеру своей деятельности Аптекарский приказ был тесно связан с другими тогдашними административными учреждениями — Посольским приказом, Разрядом, ведавшим военными делами, с вышеуказанным приказом Большой казны.

Наличие врачей-иностранцев вызывало необходимость в переводчиках. Например, в росписях жалованья по Аптекарскому приказу за 1644 г. значится переводчик Матвей Елисеев. Для принимаемых на русскую службу иностранных медицинских специалистов требовалось предъявление рекомендательных писем («грамот») об овладении врачебными науками, зачастую даже от царствующих лиц Западной Европы: «В Посольском приказе выписано... писал ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии аглинской Карлус король с оптекарем с Филипом Бриотом что он Филип Бриот... не мало лет учился лечебным мудростем и учением своим достал оптекарства и лекарства, и хочет служить государю и чтоб государю для его королевскаго прошенья его Филипа пожаловать приняти ево в службу, в Ардлиево или в иного которого оптекаря место которого он достоин»[1]. Однако зачастую одними рекомендательными письмами при приеме на службу не ограничивались, и вновь прибывшим медикам при Аптекарском приказе устраивался строгий экзамен: «По государеву... указу и по приказу боярина князя И. Б. Черкасского доктур Артемий Дий нововыезжево оптекаря Филипа про всякие оптекарские чины и про лекарское ученье допрашивал и он Филип тому доктору против ево допросов в оптекарских чинех и в лекарских ученьях ответ давал»[2]. Результаты экзамена сообщались царю, по указанию которого и происходило зачисление на русскую службу. В описываемом нами случае аптекаря Филиппа Бриота, на основании проведенного экзамена и с учетом практической его работы, было указано зачислить не аптекарем, чего он домогался, а лекарем: «Государь сея выписки слушав велел ему быти в лекарех по тому что оптекари жильной не отворяют, отворяют

[1] Материалы для истории медицины в России, в. 1, СПБ, 1881, № 173, стр. 63—64.

[2] Там же, № 176, стр. 65.

жилы лекари, а не оптекари, а будет в лекарех служити не похочет и ему служити службу или ехать в свою землю»[1]. При принятии на службу в Аптекарский приказ давалась «клятвенная запись», в которой поступающий обязывался «во всем о их государском здоровие радети и оберегати их государского здоровья во всяких мерах... безо всякие хитрости сколько смогу дохтурством своим». И далее: «Как мне велит государь лечить своих государевых бояр и ближних и приказных людей и дворян и иных всяких чинов... тех людей лечить дохтурством своим в правду с великим раденьем»[2]. В дальнейшем иностранных медиков обязывали обучать, «ничего не тая», прикрепляемых к ним русских учеников. Принятые на русскую службу медики, обычно приезжавшие в Россию с семьями и слугами, материально очень хорошо обеспечивались, многие из них даже имели в Москве собственные большие дома. Жалованье некоторых иностранных лейбмедиков превышало оклады даже крупных русских государственных деятелей. Например, доктора Алексея Михайловича Яган Белау и Артман Грамант получали в год по 940 руб., доктора Андрей Ингельгарт и Яган Костериус—по 1114 руб. В то же время годовой оклад боярина П. В. Шереметьева составлял 400 руб., боярина Н. И. Одоевского — 730 руб., боярина Я. К. Черкасского — 850 руб.

Привлекаемые хорошими материальными условиями, на русскую службу стремились попасть и необразованные, шарлатаны. Так, в 1626 г. в Россию приехал некий Киврин фон Бремборг, просивший разрешения быть одновременно доктором, хирургом и аптекарем и уверявший, что лечит лекарствами собственного изобретения. Однако вскоре Бремборг был разоблачен как невежда и выслан из России. Другой авантюрист Доминик Кауфман, не принятый в качестве врача, безуспешно пытался определиться на другую службу, объявив, что умеет строить города, укреплять крепости и проводить воду «под город и в город».

Аптека, организованная в 1581 г. Фрэнчаном, постепенно стала расширяться и пополняться лекарствами. Часть медикаментов и аптекарского оборудования ввозилась из-за границы. Например, в 1632 г. Ульян Смит привез лекарства из Англии: «Ульян Иванов Смит... послан был в аглинскую землю для обтекарских лекарств... и обтекар-

---

[1] Материалы для истории медицины в России, в. 1, № 176, стр. 66.
[2] Там же, № 160, стр. 51, 52.

ские лекарства вывез»[1]. В 1645 г. «прислано из Голстенские земли, про государев обиход, оптекарские всякие запасы, маслы и водки, и сахары, и сыропы, и скляницы»[2]. Целый ряд лекарств по мере надобности приобретался также в русских зелейных, москательных и других рядах: «А всякия пряные зелья и лекарственныя статьи... покупают тех палат подьячие и истопники и дневалные лекари, а в иное время для покупок лекарственных статей и послать неково и от того аптекарским делам чинится остановка»[3]. Внутренний рынок частично освобождал Аптекарский приказ от необходимости импорта медикаментов: «Ныне сыскано в селе Покровском у крестьянина у Сенки Камынина мяты свежие 56 гряд; а делати из тое мяты масло мятное и водку. А наперед сего масло мятное покупали за морем в Немецкой земле. А ныне аптекарским лекарством из за моря привозу не бывало тому четвертый год»[4].

Уже в первой половине XVII века Аптекарский приказ организует регулярный сбор лекарственных растений в различных областях страны. Это мероприятие имело значение не только для снабжения лекарствами аптеки, но и в деле укрепления научных основ нашей отечественной народной фармакогнозии. Сбором дикорастущих лекарственных растений ведали русские специалисты — травники или помясы, которых Аптекарский приказ отправлял обычно весной на все лето. Так, 3 апреля 1630 г. «велети дати Обтекарского приказу травникам четырем человеком Ивашку Федорову с товарыщи по лошаде на все лето а посланы оне в лес для трав и коренья»[5]. В апреле 1645 г. «велети прислать в Оптекарский приказ... четырех человек помясов... велети давати по лошеди человеку по государеву указу посылать их из Оптекарского приказу на поле для трав и коренья»[6]. Работа травников и помогающих им крестьян протекала под надзором приказных, в случае недобросовестной работы травникам грозило наказанье: «...над травниками и над крестьяны смотрил на крепко... А будет травники учнут травы и цветы и коренья збирать оплошно,

[1] Материалы для истории медицины в России, в. 1, № 78, стр. 17.
[2] Там же, № 190, стр. 86.
[3] Новомбергский Н., Материалы по истории медицины в России, т. II, № 78.
[4] Материалы для истории медицины в России, в. 3, № 952, стр. 757
[5] Там же, в. 1, № 25, стр. 5.
[6] Там же, № 208, стр. 101.

и ты б чинил наказанье»[1]. При поступлении на службу в Аптекарский приказ травники давали обязательство «радеть государево дело», скрепляемое подписями нескольких поручителей. Например, за вновь определяющегося травника Ивана Григорьева в 1682 г. поручились пять человек.

Работа травников среди сельского населения, как справедливо отмечает В. И. Колесов[2], способствовала распространению среди народа знаний элементов фармакогнозии и приобретению самими травниками ряда полезных сведений о местных лекарственных растениях. Обучение и работа молодых травников проходили под руководством более опытных. Несомненно, грамотные травники могли пополнять свои знания, пользуясь распространенными в XVII веке рукописными зельниками и травниками. Иногда в качестве травников посылались лекарские ученики и даже лекаря.

Снабжение Аптекарского приказа лекарственными растениями происходило также и путем специальных поставок, накладываемых в виде повинности на крестьян разных областей страны. Особенно часто привлекались к этому крестьяне подмосковных сел. В марте 1630 г. было приказано «собрати с Московских сел в масло попилемово пол осмины шишок осокорных»[3]. В июне того же года «собрати с московских огородников осмину цвету бобового»[4]. В апреле 1631 г. «собрати с московского уезда в водки и в сахары десять четвертей цвету своробориного»[5]. Лекарственные растения поступали и из отдаленных мест. Например, в 1645 г. воевода из Томска прислал собранную траву зверобой: «Из Сибири из Томского... прислал в Сибирской приказ травы зверобою... Тое траву зверобой из Сибирского приказу отослати в Аптекарской приказ»[6]. Лекарственные растения собирались в определенное время года и направлялись в Аптекарский приказ с обозначением названия, количества и места произрастания. Известны случаи, когда некоторых из местных жителей, собирающих травы для Аптекарского приказа, со временем зачисляли в

---

[1] Материалы для истории медицины в России, в. 2, № 490, СПБ, 1883, стр. 466.

[2] Колесов В. И., Страницы из истории отечественной хирургии, М., 1953, стр. 13.

[3] Материалы для истории медицины в России, в. 1, № 24, стр. 4.

[4] Там же, № 39, стр. 7.

[5] Там же № 67, стр. 14.

[6] Там же, № 226, стр. 114.

травники. Так, в 1663 г. нижегородского жителя Омельку Мухановского, успешно собиравшего лекарственные растения, зачислили в травники Аптекарского приказа и перевели на жительство в Москву, посылая его затем на сбор трав лишь на время. В целом ряде уездов были организованы сбор и отправка в Аптекарский приказ можжевеловых ягод для изготовления широко применявшихся тогда можжевеловых спирта и масла. Существовала даже специальная «можжевеловая повинность»[1]. Такого рода повинности ложились лишним грузом на и без того жестоко угнетаемые народные массы села.

Наряду с импортом и покупкой медикаментов на внутреннем рынке, а также заготовкой лекарственных растений путем сбора в различных местностях страны, Аптекарский приказ культивировал лекарственные растения в своих аптекарских садах и на огородах, которых, согласно данным Л. Ф. Змеева, в Москве было в то время девять. План одного из них представлен на рис. 8; этот сад размещался на берегу Неглинной между Боровицкими и Троицкими воротами.

Аптекарские сады обслуживались садовниками, при которых состояли ученики, и подсобным персоналом. В аптекарских садах и огородах разводилось большое количество лекарственных растений, в особенности тех, которые травникам трудно было найти. Так, в 1672 г. «сказали травники — Волотка Семенов да Антошка Иванов про травы, которые сажены в аптекарском огороде, а те травы у травников в росписи для збиранья написаны, и тех трав в лугах, на полях и в лесах нет»[2]. Некоторые лекарственные растения для посадки даже специально присылались из отдаленных от Москвы местностей. В 1666 г. «велено в Полоцку и в Полоцком уезде и в иных местех собрать корени консолида... да тово ж корени консолида сырово з землею и с травою собрать дватцать кустов... прислать в Москву а на Москве то коренье посадить в саду»[3]. Ввиду успешного культивирования лекарственных растений на аптекарских садах и огородах травники со временем получали указания о прекращении за ненадобностью сбора некоторых дикорастущих лекарственных растений. Примером этому служит челобитная Петрушки Семенова (1679 г.): «Посылан

---

[1] Гурлянд И. Я., Можжевеловая повинность, Ярославль, 1903.
[2] Материалы для истории медицины в России, в. 2, № 487, стр. 462.
[3] Там же, в. 3, № 1078, стр. 802—803.

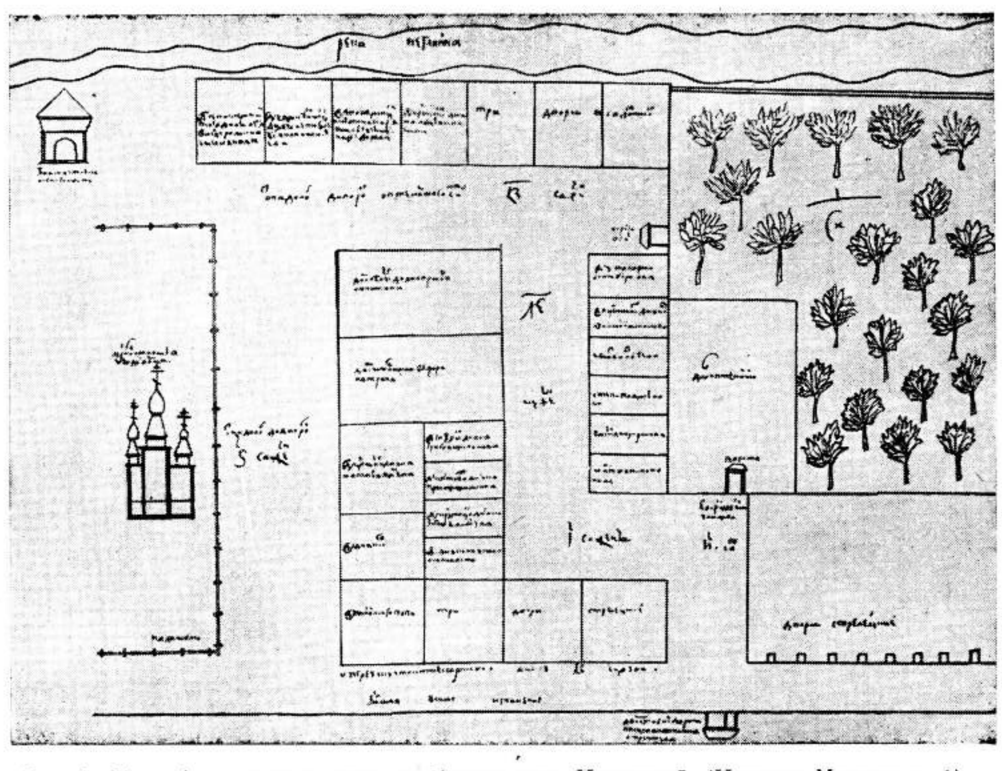

Рис. 8. План Аптекарского сада на берегу реки Неглинной (История Москвы, т. 1).

был я... во многие городы и в пригородки для трав, и цветов, и коренья, и ягод... и работал по четыре года, и от того вашего государева дела я отставлен потому, что те лекарственные травы были отложены»[1].

В результате такого широко организованного снабжения медикаментами прежнее здание аптеки уже не могло вместить всех запасов, и в 1669 г. был издан указ: «На гостинном дворе очистить полаты да погреб, а в ту полату и в погреб поставить аптекарские всякие лекарственные запасы для береженья»[2]. Существовал в 1670 г. в Москве и «Новый аптекарский двор» на Смоленской улице возле монастыря Воздвижения. Большой интерес представляют до сего времени не анализированные в работах по истории отечественной медицины планы этого аптекарского двора, воспроизведенные в первом томе «Истории Москвы». Как видно из рис. 9, аптекарский двор был обнесен каменной стеной. В нижних этажах зданий помещались ледники, а в верхних — «полаты под запас», ближе к воротам были поварня и пивоварня. В глубине двора стояло главное здание (рис. 10). Посреди комнаты, в которую попадал посетитель через центральную входную дверь, стоял стол для отпуска лекарств; возле стен были устроены «ящики где быть лекарствам». Служебные помещения располагались по правую сторону — «полата где быть всяким сосудам», «полата где сходитца на совет дохтурам» и «полата где составливать всякие лекарства». По левую сторону располагались жилые помещения аптекарей, а также поварня и «перепускная полата».

Царская аптека была не только хорошо снабжена медикаментами, но и отличалась внешней пышностью. Стены и мебель в Аптекарском приказе были обиты лучшим сукном, часть мебели — бархатом; имелись часы, два хрустальных зеркала и пр., даже часть аптекарской посуды была хрустальной.

Вначале аптекарская химическая посуда покупалась за границей. Однако уже в 1634 г. в 40 верстах от Москвы возле деревни Духаниной Петром Коетом был построен стекольный завод, на котором работало 8 человек. При Алексее Михайловиче Миньо построил в деревне Измайлово в 6 верстах от Москвы второй стекольный завод. Раз-

---

[1] Материалы для истории медицины в России, в. 4, № 1467, СПБ 1885, стр. 1086.

[2] Там же, в. 2, № 396, стр. 349.

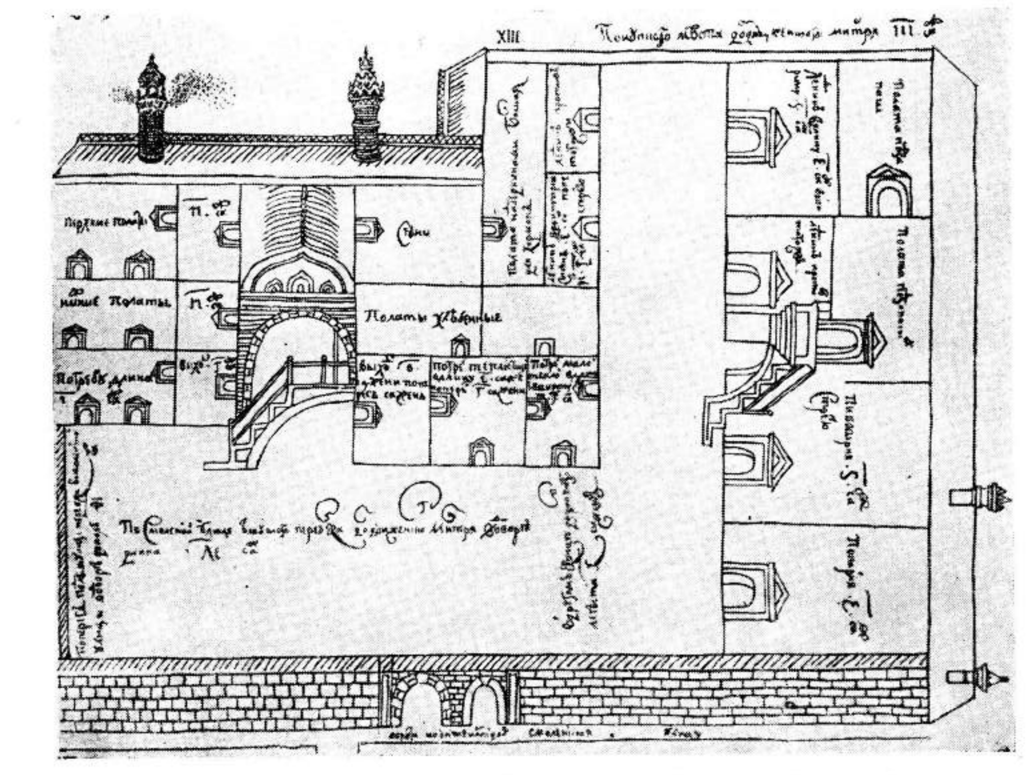

Рис. 9. Аптекарский двор на Воздвиженке (ныне ул. Калинина) (История Москвы, т. I).

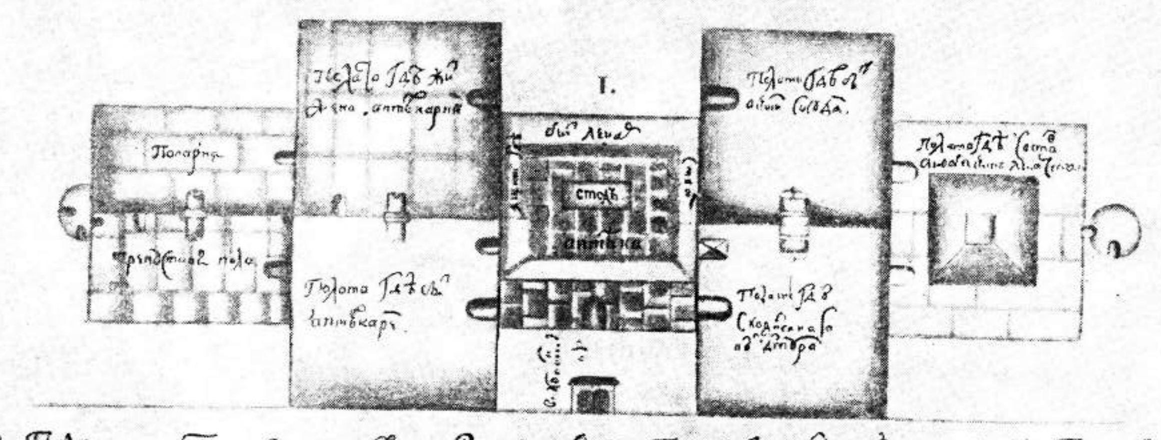

Рис. 10. План главного здания Аптекарского двора (История Москвы, т. I)

нообразная продукция этих заводов поступала на нужды аптеки[1]. С увеличением объема работы аптеки и отпуска лекарств часть посуды уже тогда давала Украина. Для изготовления необходимой глиняной посуды в 1663 г. в Гжельскую волость был отправлен «аптекарских и алхимиских глиняных судов мастер Пашко Птицкой». Найденную глину было приказано возить в Москву только в Аптекарский приказ, «а в иные дела тое глины никуда не давать, а держать тое глину на оптекарские дела»[2]. Аптека была оборудована специальными печами «для пропущения (дистилляции) трав», лекарства при их приготовлении растирались «межю двумя камени» или в ступке («иготи»).

Режим в царской аптеке был строгим. Боярин Аптекарского приказа следил за аптекарями — «нет ли межи их какова несогласия». Виновные в нарушении порядка и дисциплины в аптеке подвергались наказанию. Указ царей Ивана и Петра Алексеевичей, опубликованный В. М. Флоринским, ярко это иллюстрирует[3]. В царской аптеке иноземные доктора и аптекари ссорились между собой, создавали беспорядки и склоки, что мешало работе. «Известно учинилось, что у дохтуров с аптекари меж собой не точию согласия доброго не имеют, но безовсякия причины почасту между ими происходят вражды, ссоры, и клеветы, и не любовь, от которых доброй порядок аптекарского дела не мало приемлет претыкания, такожде и в меньших чинах от того ж учинилось к аптекарем непослушание и презорства и во всяких делах нерадение». Ввиду этого в царском указе было помещено 12 пунктов, определяющих поведение и дисциплину персонала в аптеке, а также порядок надзора за хранением лекарств. Два-три раза в год аптекарям вменялось в обязанность производить переучет всех лекарств в аптеке и, если каких-либо лекарств оставалось мало, то срочно пополнять: «Когда много коих статей в расходе будет и учнет немного в казне оставаться, и о тех статьях аптекарем извещать, чтобы им на Москве или за рубежом заранее доставать и оскудением единой статьи целые рецепты не останавливались». Лекар-

---

[1] Змеев Л. Ф., Первые аптеки в России, Медицинское обозрение, т. 28, 1887.

[2] Материалы для истории медицины в России, в 2, № 352, стр. 267.

[3] Флоринский В. М., Русские простонародные травники и лечебники, Собрание мед. рукописей XVI и XVII столетий, стр. 195—202.

ства, которые за давностью потеряли свою силу, предписывалось выбрасывать: «Которое лекарство во дни и прочия статьи по осмотру явятся к составом негодны, и сила и действо из них вышло, или испортилось, и те по совету дохтурскому отставливать или выкидать вон». При покупке лекарств, ввезенных из-за границы, рекомендовалась особая осторожность: «Буде которые явятся худы и старые и лежалые, или негодные и те отдавать тем иноземцам назад». Новые растения, поступающие с аптекарских огородов, следовало сушить с «опасением и радением», ввиду того что от плохо заготовленных лекарств «никакого действа добраго по чаянию дохтурскому не бывает, и от того дохтуры бывают в напрасной огласке, а больным пользы нет, а иногда вместо пользы повреждение бывает». Докторам же предписывалось «необленно по присылкам всякого чина к людем больным ездить, и своею лечьбою от болезней пользу и здравие лекарствами и благим советом... имети».

При заболевании кого-нибудь из царской семьи аптекарей обязывали, на случай надобности, «по очереди дневать и ночевать» в аптеке. Отпуск лекарств для царской семьи был сопряжен с рядом строгих формальностей. Царские лекарства хранились в особой комнате, запечатанной печатью дьяка Аптекарского приказа. Перед дачей царю лекарства часть его выпивал доктор или боярин, чтобы предотвратить опасность отравления.

Следует отметить, что в царской аптеке, наряду с рациональными медикаментами, содержался целый ряд мистических средств лечения, применявшихся иноземными врачами: различные камни («безуй» и др.), рог единорога («инрогова кость») и т. п. С «инроговой костью», которой в те времена на Западе приписывали сильнейшее как лечебное, так и профилактическое и противоядовое действие, связано первое известное нам в России экспериментальное медицинское исследование на животных. Для проверки эффективности купленой «инроговой кости», в частности ее противоядового действия, в июне 1658 г., как установлено нами, аптекари и врачи Аптекарского приказа произвели экспериментальное исследование на голубях. Приведем текст соответствующего архивного документа Аптекарского приказа: «166 генваря в 10-й день торговой иноземец Артемей Артемьев принес в Оптекарский приказ кость, а сказал что та кость инрогова из Амстердама а цена той инроговой кости 900 рублев, а мерою та кость аршин с четвертью, а весу в ней 7 фунтов с полфунтом.

И по указу великого государя... боярин Илья Данилович Милославской приказал, тое кость свидетельствовать и опыт учинить дохтуром и аптекарем. И июня в 25-й день дохтуры Лев Личифунус да Ондрей Ингельгарт, аптекари Крестьянус Эглер да Роман Биньян инроговой кости опыт учинили над тремя голуби: одному голубю дано мышьяку против дву зерен перцовых, другому голубю кости инроговое против пяти зерен перцовых, мышьяку — против одного зерна; третьему голубю дано мышьяку против одного ж зерна, кости инроговой против пяти ж зерен и те голуби июня с 22-го числа [1] по 26-е число все были живы. И июня в 26-й день дохтуры и аптекари тем же голубям давали в другоряд: одному дано мышьяку против дву зерен, другому голубю кости инроговы против пяти зерен, мышьяку — против дву зерен; третьему голубю дано мышьяку против дву ж зерен, кости инроговы против пяти зерен перцовых. И которому голубю дан один мышьяк, и которому голубю дано мышьяк да после кости инроговы, и те голуби померли, а которому голубю дано кости инроговы да после того мышьяку, и тот голубь жив... По указу великого государя боярин Илья Данилович Милославской приказал за инроговой рог за девять сот рублев дать шелком сырцом по государеве указной цене» [2].

Не входя в рассуждения относительно действительной ценности «инроговой кости» как противоядия, подчеркнем сам факт постановки эксперимента на животных, довольно хорошо продуманного для того времени (различные дозировки, контроль).

Царской аптекой бесплатно пользовались и «ближние к царю» бояре, подавая каждый раз для этого челобитную на имя царя: «...болен рукою не владею.... пожалуй меня холопа своего вели государь из оптеки дать пол фунта перцу дикого, четыре горсти крапивных семян, пол фунта бобков масличных, двенадцать золотников масла кропового, девять золотников масла тимек» [3]. В некоторых случаях в виде исключения лекарства отпускались и другим лицам. Например, в 1679 г. было приказано бесплатно лечить 66 стрельцов, пострадавших при тушении пожара в Москве: «На пожаре за Стретинскими вороты розных приказов стрелцов

---

[1] Видимо, описка — надо 25-го.
[2] Материалы для истории медицины в России, в. 3, № 781, стр. 696.
[3] Там же, в. 1, № 70, стр. 14—15.

зашиблены и порублено... И всего 7-ми приказов зашиблено на пожаре 66 человек... Велеть тех стрелцов лечить лекарем; а лекарства отпустити им, что на их раны и болезни надобны, безденежно»[1]. Иногда царской аптекой обслуживались иностранные посольства в Москве. В 1648 г. сын голландского посла Кондрат Бурх обратился к царю: «Многие де у него люди которые от неупокойства далного и трудново пути изнемощевали и болны стали а лекарства де которые с собою привезены и те издержаны и царское б величество пожаловал их посолских людей теми лекарствы». На этой челобитной есть пометка: «Послать лекарства безденежно приказал боярин Борис Иванович Морозов»[2]. С просьбой об отпуске медикаментов обращалось и духовенство. Следует отметить, что медицинская помощь оказывалась в случае необходимости также некоторым иностранным специалистам, работавшим даже в отдаленных от Москвы местностях. Так, в 1645 г. полковой лекарь Вульф был направлен в Соликамск «для лечения иноземцев, рудного сыску мастеров»[3].

Кроме вышеописанной стационарной царской аптеки, существовала еще и походная аптека («Меншая оптека»), содержавшая довольно значительный набор медикаментов и сопровождавшая царя при переездах.

Со временем царская, так называемая «Старая аптека», уже не могла справляться со все увеличивающимся объемом работы. 20 марта 1672 г. по царскому указу на одном из самых многолюдных мест Москвы—на Новом гостинном дворе была организована Новая аптека, предназначенная для обслуживания московского населения (конечно, более зажиточной его части): «По имянному своему великого государя указу на новом гостине дворе... очистить полаты, а в тех полатах... построить аптеку для продажи всяких лекарств всяких чинов людем»[4]. Аптекой было поручено заведывать аптекарю Ягану Гутменшу. Штат аптеки был по тому времени значительным. В 1677 г. при Новой аптеке состояли 3 доктора, 2 аптекаря, 1 алхимист, 4 лекаря, 1 переводчик, 8 лекарских учеников, 2 подьячих для ведения отчетности, 2 целовальника (кассиры) и 4 сторожа. Дежурили

---

[1] Материалы для истории медицины в России, в. 4, № 1566, стр. 1176.

[2] Там же, в. 3, № 602, стр. 610—611.

[3] Загоскин Н. П., Врачи и врачебное дело в старинной России, Казань, 1891, стр. 63.

[4] Материалы для истории медицины в России, в. 2, № 476, стр. 450.

аптекари «с другова часу дня до вечернего благовеста летом и зимою по переменам очередным безотходно». В 1672 г. составляется первая русская аптекарская такса — «Указная книга». Лекарства по рецептам врачей изготовлялись аптекарями и алхимистами. Снабжение медикаментами Новой аптеки происходило в основном на тех же основаниях, что и Старой. Большой доход Новая аптека получала от продажи различных настоек и водок. Первым дистиллятором, ведавшим изготовлением лечебных водочных настоек, а также приготовлением сиропов, пластырей и мазей, был русский аптекарский ученик Василий Шилов, которому в 1678 г. было присвоено звание «дестилатора». В 1682 г. при гражданском госпитале у Никитских ворот организовалась третья аптека «для того, что со всяким рецептом ходить в город не удобно» [1].

В связи с открытием Новой аптеки царским указом была запрещена свободная торговля лекарствами. Однако в виде исключения лекарям Аптекарского приказа Артемию Петрову и Косьме Семенову было разрешено в своих лавках продавать некоторые недорогие лекарства.

Вскоре появились аптеки и в некоторых других крупных городах. В 1675 г. было указано доктору Петру Пантанусу, при котором были переводчик, приказные, целовальники и сторожа, организовать аптеку в г. Вологде, являвшемся крупным торговым центром для всего севера: «Велено его дохтура послать на Вологду с оптекарскими запасами и завесть аптеку» [2]. В 1679 г. лекарь Аптекарского приказа Артемий Назарьев, лечивший в Казани «ратных раненых и болных всяких чинов людей», обратился с челобитной к царю с просьбой разрешить ему организовать в Казани продажу лекарств: «Вели государь мне дать... из оптеки на продажу лекарств казанским всяких чинов людем... А которыя государь я лекарства, будучи в Казани испродам, и я... денги стану присылать в Оптекарской приказ» [3]. Просьба Назарьева была удовлетворена, и ему было отпущено большое количество медикаментов. Направляемые Аптекарским приказом в полки, стоявшие в различных городах страны, целые транспорты медикаментов во второй половине XVII века привели к фактической организации небольших аптек в Астрахани, Новгороде, Пензе, Курске, Пскове, а также на Украине — в Киеве и Нежине.

---

[1] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 156.

[2] Материалы для истории медицины в России, в. 4, № 1403, стр. 964.

[3] Там же, № 1596, стр. 1203.

Существовали в Москве и больницы. Одну из них организовал на свои средства около 1650 г. боярин Федор Михайлович Ртищев. Размещалась она в двух комнатах, куда можно было положить 13—15 больных. При этой больнице, по всей вероятности, находился врач, и она была снабжена лекарствами, так как в перечне проданных из царской аптеки лекарств с 1 августа 1670 г. по 1 сентября 1671 г. упоминается значительное количество лекарств, отпущенных Ртищеву. В конце прошлого столетия на месте этой больницы возле Нескучного сада была Андреевская мещанская богадельня. По примеру Ртищева и некоторые другие бояре (Черкасский, Матвеев, Апраксин) стали организовывать на свои средства небольшие больницы — богадельни. Боярин Ордин-Нащокин, постригшись в монахи, в 1672 г. на свои средства в Псковском монастыре завел больницу. Есть данные, что на Новом аптекарском дворе происходил амбулаторный прием больных, где ученики Аптекарского приказа могли проходить клиническую практику под руководством доктора Лаврентия Блюменроста младшего. Известна его жалоба, что без переводчика ему «не в мочь с больными» [1].

В 1680 г. было сооружено специальное помещение для амбулаторного приема больных: «Память послана из Новые Аптеки в Приказ сыскных дел, на строение дохтурской палатки, которыя построена для дохтурского сиденья по осмотру болящих» [2].

27 февраля 1682 г. царь Федор Алексеевич приказал соорудить в Москве на Гранатном дворе у Никитских ворот гражданский госпиталь («шпиталь»), а при Знаменском монастыре — богадельню. Цель организации этих учреждений заключалась в том, чтобы предоставить «истинно больному средства излечить свой недуг в больнице», а больных хроников определить в богадельню. В этой больнице должны были проходить практику и лекарские ученики («где бы можно было больных лечить и врачев учить»). Госпиталь был построен и представлял собой деревянное здание 46 саженей в длину и 26 — в ширину. Сохранились счета на покупку 16 саженей дров для отопления госпиталя. Руководить госпиталем, согласно указу, должен был «добрый дворянин». Персонал состоял из доктора, 3—4 лекарей, нескольких учеников, подьячего для ведения канцелярских

---

[1] Змеев Л. Ф., Чтения по врачебной истории России, стр. 230—231; Мед. обозрение, т. 28, 1887.

[2] Материалы для истории медицины в России, в. 4, № 1618, стр. 1242.

дел и нескольких служителей. Была при госпитале и своя аптека[1]. Богадельни организовывались и церковью. Так, патриарх Иоаким 9 апреля 1685 г. дал указание: «Николаевской белой монастырь с вотчинами и со всеми угодьи приписать в Софейской дом и в том монастыре построить больницу для прокормления и покоя болящих»[2].

XVII век характеризуется частыми войнами, которые вело Русское государство с иноземными захватчиками. В этот период проходила борьба с войсками Лжедмитриев I и II за освобождение Смоленска, войны за освобождение земель братских Украины и Белоруссии и др. В связи с этим возникла необходимость в укреплении организационных основ и военного оснащения русской армии. Ряд ценных сведений по этому вопросу приведен в «Истории Москвы»[3]. На русскую службу приглашались иностранные военные специалисты, чтобы «послужить государю мастерством своим», причем их обязывали обучать русских учеников. Русскими оружейными мастерами создавались превосходные образцы вооружения. Показательно, что отечественные оружейники раньше европейских создали нарезные орудия, заряжающиеся с казенной стороны. Организуются полки «Нового строя». Непрерывно возрастал количественно и качественно улучшался русский командный состав, которым заменяли наемных иностранных офицеров. К середине XVII века относится создание русских солдатских полков под командованием первых русских генералов Шепелева и Кравкова. Прекрасные боевые качества этих полков особенно проявились в Чигиринских походах.

Дальнейшее развитие русской армии требовало налаживания медицинского ее обеспечения, укомплектования медицинскими кадрами. Плохое санитарное обеспечение войск способствовало возникновению эпидемических заболеваний. Так, в 1605 г. в восьмидесятитысячной русской армии под командованием князя Мстиславского и Шуйского, осаждавшей захваченный польскими войсками г. Кромы, вспыхнула дизентерия, вызвавшая большую смертность. Ввиду этого в армию были посланы из Москвы по указанию царя Бо-

---

[1] Алелеков А. Н., История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летнему его юбилею, М., 1907, стр. 21—22.

[2] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси стр. 304.

[3] История Москвы, т. 1, стр. 608.

риса необходимые для лечения медикаменты: «Присла всякаго питья и всякаго зелья, кои пригодны к болезням и от того же учини им помощь велию» [1]. Впервые о полковом враче упоминается в Расходной книге верховного государственного Разряда в 1615 г. В наемном полку, который было поручено набрать в 1631 г. в Германии полковнику Дамму, числился постоянный врач. В дальнейшем, например в период боев за освобождение Смоленска в 1632 г., число врачей в войсковых соединениях русской армии значительно увеличивается. В полку Фукса находились четыре лекаря. Были лекари и медикаменты и в других полках. «Дано из государевы обтекарские казны на службу лекарем Тобиюсова полку Ивану Шлюцу да Фалентинова полку Росдормова немчину Ивану Геннку два сундука, а в них обтекарских всяких лекарств и снастей балберских» [2]. В сентябре того же года под Смоленск был послан еще один лекарь: «Послан на государеву службу под Смоленск лекарь Елизарий Ролонт а месячной корм ему велено давать в полкех» [3]. В январе 1633 г. для службы в армии направляются два лекаря: «Велено на Белой быть у околничево и воеводы у князя Семена Прозоровского с товарыщи для лечбы ратных людей лекарем Кашпиру Давыдову да Томасу Утику» [4]. В феврале 1633 г. «давано... аглинскому лекарю Матвею Кинфину корму на месяц по десяти рублев и ныне тот Матвей по государеву указу послан... в Пермь» [5]. В июле того же года вышеупомянутый лекарь Кашпир Давыдов был переброшен в полк полковника Юрия Матусина. В калмыцком походе 1644 г. принимал участие служивший в 1632 г. под Смоленском лекарь Елизарий Ролонт. Бывали случаи, когда лекари назначались для лечения даже отдельных лиц. Например, в 1633 г. был назначен лекарь к раненому под Велижем Федору Баранову [6].

Все же лекарей в войсковых соединениях было очень мало, и раненым самим приходилось заботиться о лечении ран, получая от казны «на лечбу ран, на зелье» специальное денежное пособие. Воеводы «сами осматривали какова чья рана» и давали распоряжение о выдаче на лечение ран

---

[1] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 259.

[2] Материалы для истории медицины в России, в. 1, № 106, стр. 26.

[3] Там же, № 107, стр. 27.

[4] Там же, № 116, стр. 30.

[5] Там же, № 120, стр. 32.

[6] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 261.

«смотря по ранам рубли по 2, и по 3, и по 4 рубли человеку; а больши 4-х рублев на лечбу, на зелье не дают» [1].

Особенно остро встал вопрос о медицинском обеспечении русских войск в связи с подготовкой к войне с шляхетской Польшей за освобождение земель братских Украины и Белоруссии. Существовавшие практика приглашения иноземных врачей и ремесленный характер подготовки русских лекарей не могли уже удовлетворить возрастающие нужды, и в 1654 г. для организованного медицинского обучения и подготовки квалифицированных медицинских специалистов-лекарей было набрано из стрельцов 30 человек. «В прошлом во 162 году взято в Оптекарской приказ для ученья лекарского дела из стрельцов и из стрелецких детей 30 человек» [2]. Это было первое русское военно-медицинское учебное заведение. Набирались в школу наиболее грамотные и развитые. Лекарская школа была в ведении Аптекарского приказа, который возглавлялся в то время боярином Ильей Даниловичем Милославским. Преподавателями в школе были иноземные врачи. Слушатели школы жили «в розных приказех по стрелецким слободам у отцов своих и у братей и у сродичев» [3] и получали «годовое денежное жалование и месячной корм».

Обучение будущих лекарей начиналось со знакомства с теоретическими основами медицины. Учебниками могли служить имевшиеся в Аптекарском приказе травники и переводные медицинские сочинения. В XVII веке появляется переводное сочинение, озаглавленное «Книга Михаила Скотти о естествознании на три части разделенная», где были изложены анатомия человека и некоторые вопросы физиологии размножения. Было и другое, сходное с этой рукописью, сочинение «Альберт Славный таинств женских, еще же о силах трав, камней, зверей, птиц и рыб. Переведена слово в слово с латинского на словенский и написана лета господня 1670». В 1676 г. с латинского на русский была переведена «Формокопея о составлении лекарств» (рис. 11). При Аптекарском приказе состояли на службе специальные переводчики, обязанные переводить книги, «по которым книгам руские люди могут быть совершеными лекарями и оптекарями» [4]. Кроме того, покупались различные медицинские

---

[1] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 260.

[2] Материалы для истории медицины в России, в. 3, № 896, стр. 728.

[3] Там же, № 809, стр. 704—705.

[4] Там же, в. 4, № 1415, стр. 989.

сочинения у отдельных лиц за границей. В Россию книги ввозились и отдельными лицами. Арсений Суханов, ездивший в середине XVII века по царскому указу в Иерусалим, привез в Россию из Афонских монастырей около 400 гре-

Рис. 11. Титульный лист рукописи «Формокопея о составлении лекарств» (по Д. М. Российскому).

Рис. 12. Древнерусская амбулатория. Прием больных врачом и раздача лекарств. Миниатюра из рукописного синодика по списку XVIII века (по Н. А. Богоявленскому).

ческих и славянских рукописей, среди которых были и медицинские. В Аптекарском приказе хранились научные сочинения и немедицинского характера. Так, посылаемый в Китай переводчик Посольского приказа Николай Спафарий получил из Аптекарского приказа книгу, «в которой описано государство китайское и лексикон китайский». Характерно, что с этим посольством должен был ехать и лекарь Яган Газ «для изыскивания тамошних лекарств и всякого коренья» [1].

Вначале ученики прикреплялись к аптеке, где изучали фармацию, фармакологию, анатомию и терапию. Практика

[1] Соколовский М., Характер и значение деятельности Аптекарского приказа, СПБ, 1904, стр. 29.

проходилась в аптеке и на «аптекарских огородах». Когда «навыкали аптекарское дело», их отдавали лекарям для изучения хирургии. Ученики ежедневно являлись к своему учителю на дом, участвовали в приеме больных (рис. 12), помогали при операциях, ездили в полки. Пройдя курс обучения, лекарские ученики подавали челобитную царю с просьбой о назначении лекарем. В этой челобитной указывалось, что́ они изучили, в каких военных походах участвовали и кого вылечили. После экзамена в Аптекарском приказе с целью выяснения «искусен ли он лекарскому делу» и «будет ли его с аптекарское дело», издавался указ: «Быть ему в лекарях». Со временем учеников «лекарского и аптекарского дела» стали обучать и иностранным языкам: «..отдать в научение латинского и цесарского языков в немецкую школу мастера Ягану Бонсиюсу для того, чтоб им совершенно мочно впредь научится аптекарскаго и алхимискаго дела» [1].

По окончании обучения лекарей рассылали в основном по полкам. Уровень медицинских знаний и оперативной техники русских полковых лекарей был высоким. Об этом свидетельствует описание военно-полевого хирургического набора, которым пользовались полковые лекари того времени: «В полк посланы лекари... Да им же дано инструментов: пила двойная, шаруп пулечной, клещи пулечные, клещи ж журавлиной нос, клещи — что рот чистят. Нож кривой, 2 ланцета старых, 2 монастырка, 2 клестера, трубка деревянная, а в ней трубка оловянная прыскательная, инструмент что раны прижигают, старой; по вескам не большим, по фунту, по потелке середней, по губе грецкой, по ложке долгой с комлями медные, воску по фунту, по 20-ти пузырей» [2]. Из этого видно, что военные врачи того времени владели костными операциями, ампутациями, зондированием ран, извлечением инородных тел и др. Примеры высокого мастерства русских лекарей приведены в челобитной лекарского ученика Семена Михайлова, содержащей просьбу о назначении его лекарем: «Милосердный государь, пожалуй меня... вели мне быть в своей государеве Оптекарской полате в лекарях. Роспись ково... от ран излечил: Даниловского монастыря келейник... ево разбойники голову разбили, и череп прорубило толко плена у мозгу цела; от тоя раны 5 дней не говорил; и я, Семен Михайлов лекарь

---

[1] Материалы для истории медицины в России, в. 4, № 1450, стр. 1066; № 1488, стр. 1115.

[2] Там же, № 1622, стр. 1249.

ево излечил в 7 недель. Да я ж Семен излечил стреленова человека: была прострелена нога насквозь и кость раздробило, семь кусков кости вынул из раны и раны излечил»[1].

Для инвалидов после ампутаций в то время изготовляли уже довольно совершенные протезы и костыли[2].

Помимо хирургического инструментария полки снабжались перевязочным материалом. Так, в 1677 г. в Аптекарский приказ было доставлено из Казенного двора «к костоправному делу пятьдесят аршин покромей зеленых та лазоревых к нынешнему походу». В 1698 г. было указано «в большой полк боярина и воеводы Алексея Семеновича Шейнина с товарыши на обвивку раненых стрельцов 20 аршин покромей»[3]. Как перевязочный материал при ранениях употреблялись тогда также «губы дождевки» (высушенные мицелии гриба), льняная и конопляная пакля («кужел»), «мох белой» и чаще всего «всякие тафты ветчаныя» (ветхие) и др. Были знакомы и с корпией: «Аще ветчанои плат взем до его оскреби и тот пух в ту воду обмочи и внутрь раны положи»[4]. Раны лечили различными пластырями, мазями. Широко применялись средства народной медицины — отвары различных кореньев и трав, различные тепловые процедуры в виде припарок и т. п. Для лечения и предупреждения часто наблюдавшейся тогда цынги в войсках применяли вино, уксус, сбитень. Когда из Севска в 1674 г. сообщили, что «в запорогах многие заскорбели, во рту вкинулась цынга и ноги пухнут», по совету лекаря Афанасия Мартынова для лечения цынги были высланы уксус, вино и сбитень.

Высокое мастерство и знания русских лекарей проявлялись и в возникавших тогда вопросах медицинской экспертизы. Например, в 1679 г. в Аптекарском приказе была подвергнута исследованию мазь, вызвавшая отравление князя Щербатова. Иностранные аптекари не смогли определить ее состава, а русские лекари Дмитрий Никитин, Степан Алексеев и Кузьма Семенов сделали заключение, что в эту мазь «ртуть положена и иные присыпки»[5].

---

[1] Материалы для истории медицины в России, в. 4, № 1505, стр. 1132—1133.

[2] Богоявленский Н. А., Древнерусская миниатюра как источник для изучения истории медицины, Советское здравоохранение, № 5, 1950.

[3] Новомбергский Н., Материалы по истории медицины в России, в. 2, стр. 19—36.

[4] Богоявленский Н. А., О некоторых чертах лекарствоведения в Московской Руси, Советская медицина, № 2, 1952.

[5] Материалы для истории медицины в России, в. 4, № 1484, стр. 1110—1111.

Одной из задач медиков Аптекарского приказа во второй половине XVII века являлось медицинское освидетельствование различных лиц с целью определения возможности дальнейшего несения службы. Так, в 1663 г. четыре лекаря, осмотрев Ивана Степанова сына Панова, сделали заключение: «У него изнутри выходят чрева в тайные уды... И ему Ивану не только на лошади сидеть, и пешему ходить много не мочно... Толко ему и помочи учинить, зделать пояс широкий и тем поясом то место подвязывать, и быть дома, а никуды ходить и ездить не мочно» [1].

По знаниям и специальной практической подготовке русские лекари зачастую превосходили иностранных медиков, и больные предпочитали лечиться у русских врачей. Например, в 1679 г. стольник Иван Афанасьев заболел и по указу царя мог воспользоваться врачебной помощью иностранца Севастьяна Резлера. Однако больной отказался, сказав, что иноземный врач «ему не надобен», так как его лечит русский — Митрофан Петров.

Были в то время и квалифицированные русские медицинские специалисты: «очной лекарь», «кильной мастер» (кила — грыжа), «гортанного дела мастер», «камчужные лекари», лечившие каменную болезнь, «чепучинные мастера», лечившие сифилис (например, Митрофан Петров, который в 1656 г. был лекарским учеником, а в 1667 г. был уже чепучинного дела мастером) [2].

Следует отметить, что царское правительство мало заботилось об условиях жизни русских медицинских специалистов, которые самоотверженно трудились, находясь в значительно худших материальных условиях по сравнению с иностранными медиками. Поэтому часто русские лекари жаловались, что они «оскорблены перед своей братией» — иностранными врачами.

Приблизительно в одно время с лекарской школой в Москве было организовано обучение «костоправов» (ортопедов). Сведения об этом дошли до нас в виде челобитной одного из «костоправных учеников». Первым учителем хирургов-«костоправов» был русский мастер стрелец Первой Петров. «По указу великого государя взят был... Первой Петров из стрельцов из Яков-

---

[1] Материалы для истории медицины в России, в. 3, № 1038, стр. 779.
[2] Змеев Л. Ф., Несколько слов о наших древних специалистах, Мед. обозрение, т. 26, 1886.

лева ж приказу к твоему великого государя костоправному делу в мастеры в Оптекарской приказ»[1] Известны имена первых двух «костоправных учеников», которые после обучения у Петрова были на практике в полках и в 1655 г. подвергались экзамену в Аптекарском приказе: «В Оптекарском приказе перед бояриноm Ильею Даниловичем Милославским костоправы Ивашко Максимов да Степка Дорофеев сказали учились де они костоправному делу у костоправа у Первушки Петрова и костоправному делу выучились и... были на государеве службе в полкех... ратных раненых людей лечили... По государеву указу боярин Илья Данилович Милославской приказал им быть в костоправах в Оптекарском приказе»[2].

Первый набор лекарских учеников был почти целиком использован для медицинского обеспечения армии в происходившей тогда войне с Польшей. Теоретическое обучение первого набора прервалось ввиду начавшихся военных действий. В мае 1654 г. большая часть Аптекарского приказа, в том числе и лекарская школа, была переведена в г. Вязьму, являвшуюся главной квартирой русской армии. Из 30 учеников в Вязьму было взято 25 человек. На обмундирование для «вяземской службы» им было выдано «доброе сукно». Приводимый Н. Новомбергским относящийся к этому времени документ содержит именной список лекарских учеников, толмачей (переводчиков) и служителей медицинской школы[3]. В дальнейшем лекарские ученики были разбиты на группы, прикрепленные к врачам, и посланы в действующую армию — «в полки».

В 1656 г. началась новая война — с Швецией. «Лекарского и костоправного дела ученики» были вместе со своими руководителями лекарями и костоправами переброшены на новый фронт и разделены на три отряда для медицинского обслуживания государева полка и полков Трубецкого и Черкасского[4].

Первые отечественные военные медики проходили обучение в суровой военной обстановке того времени, оказывая медицинскую помощь войскам, освобождавшим от иноземного ига земли братских Украины и Белоруссии. В 1658 г.

---

[1] Материалы для истории медицины в России, в. 3, № 772, стр. 768.

[2] Там же, № 666, стр. 644—645.

[3] Новомбергский Н., Материалы по истории медицины в России, т. 2, № 5, стр. 2.

[4] Материалы для истории медицины в России, в. 3, № 669, стр. 662—663.

первый набор лекарских учеников был выпущен лекарями в стрелецкие полки, часть осталась работать в Аптекарском приказе: «Лета 7166-го мая в 5 день (5 мая 1658 г.) по государеву указу... лекарского дела учеником быть в Стрелецких приказех в лекарях, а иных лекарского дела учеником указал государь быть в Оптекарском приказе попрежнему, а кому имяны учеником быть... и тех имяна посланы»[1].

Систематическая массовая подготовка отечественных медицинских специалистов дала возможность наладить медицинское обеспечение войск и в дальнейшем обходиться в основном русскими медиками.

Показательно, что в 1682 г. на службе в Аптекарском приказе, не говоря уже о вольнопрактикующих русских лекарях, было 44 русских медика и только 17 иностранных.

Кроме официальной государственной подготовки русских лекарей, часть русских медицинских специалистов готовилась и частным образом, путем обучения у некоторых иностранных врачей. Сохранился врачебный диплом, выданный по окончании лекарского обучения Петру Григорьеву доктором Яганом Гладебахом: «Петр Григорьев пожелал у меня изучитись лекарскому делу и для того мне в службу и в научение отдался... И я ныне о сем свидетельствую, что он Петр... не токмо в учении науки прилежен,.. но и так счастливо прилежал, что искусство ево в лечении от многих похвалено было... Я Петра Григорьева от себя отпущаю и дела нашего лекарскаго искусна и потребна быть поведаю и нарекаю»[2]. Это свидетельство — врачебный диплом, помимо Гладебаха, было заверено и другими врачами.

Кроме лекарских учеников, были русские ученики и у аптекарей, со временем ставшие специалистами. Например, Тихон Ананьин в 1662 г. еще числился сторожем Аптекарского приказа, а в 1678 г. он уже «алхимист» и просит разрешения обучать этой же специальности своего сына: «Бьет челом алхимискаго дела Тишка Ананьин... Вели государь сынишке моему быть Левке в Оптекарском приказе алхимисково дела в учениках»... Дальше из челобитной видно, что первые два сына Ананьина уже обучались «алхимискому делу»: «У него ж Тихона в учениках дети ево — Иван да Яков Тихановы»[3].

---

[1] Материалы для истории медицины в России, в. 3, № 835, стр. 708.

[2] Змеев Л. Ф., Первый врачебный диплом, выданный в России, Русский архив, кн. 2, 1887.

[3] Материалы для истории медицины в России, в. 4, № 1450, стр. 1064.

Широкая подготовка русских медицинских специалистов, а также постоянное приглашение на русскую службу иностранных лекарей позволили во второй половине XVII века говорить об укомплектовании русской армии уже даже «сотенными» лекарями. В указе Федора Алексеевича от 14 ноября 1679 г. сказано: «Призвать в московское государство лекарей полковых и сотенных, добрых и ученых людей»[1]. В конце XVII века при походах выделялся даже особый санитарно-медицинский обоз. Например, в 1689 г. во время Крымского похода этот обоз состоял из 50—70 подвод. Врачи во время этого похода находились возле разрядного шатра, где получали указания об оказании медицинской помощи[2].

Остановимся вкратце на организации в этот период военно-госпитальной помощи. К началу XVII века относится организация описанного в предыдущем разделе приемного покоя для раненых при Троице-Сергиевском монастыре. Сохранились сведения о существовании двух монастырей — Боршеве-Воронежском и Черниеве-Тамбовском, где находили себе приют донские казаки «за кровь, за раны, за полное терпение»[3]. По всей вероятности, нечто вроде временного военного госпиталя было организовано в 1657 г., когда «под Динаборком до приступа и на приступе... всего ранено тяжелыми и лехкими раны 251 человек». Сохранившийся поименный список раненых с очень подробным описанием ранений указывает на то, что эти раненые были подвергнуты медицинскому исследованию[4]. Все же организация первого настоящего военно-временного госпиталя в России относится к 1678 г., когда в Москве на Рязанском и других подворьях было широко организовано стационарное лечение солдат и офицеров, раненных в боях под Чигирином. 11 октября 1678 г. был издан указ: «Велеть по списку раненых и больных салдатского строю начальных людей и рядовых салдат лечить на Рязанском подворье», причем указывалось: «Тех, которые бездомовные и учнут приходить на Резанское подворье для лечения, и лекарей — которые

---

[1] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 281.

[2] Колесов В. И., Страницы из истории отечественной хирургии, стр. 15—16.

[3] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 287.

[4] Материалы для истории медицины в России, в. 3, № 777, стр. 679—694.

тех раненых чинов станут лечить, на Рязанском подворье поить и кормить... покаместа вылечатца и лекарей — покаместа они их вылечат»[1]. Было подвергнуто медицинскому осмотру 746 человек, из них 159 оказались тяжело ранеными, и их разместили на Рязанском подворье, остальные же лечились либо дома, либо амбулаторно, приходя на подворье или в Новую аптеку. Впоследствии число тяжело раненых на подворье достигло 441 человека, и помещение госпиталя пришлось расширить, заняв Казанское и Вологодское подворья, а в качестве резервных помещений Новгородское, Суздальское, Смоленское и Коломенское подворья. Лечение раненых осуществлялось в этом госпитале в основном русскими лекарями Петром Рабкеевым, Кириллом Петровым, Федором Ильиным, Митрофаном Петровым, Василием Подуруевым, Дмитрием Никитиным, Федором Дорофеевым и др. При русском лекаре Алексее Бединском состояли лекарские ученики Тимофеев, Иванов и Алексеев. Раненые стрельцы, остававшиеся в своих домах, также были осмотрены, и необходимые для лечения лекарства выдавались лекарям «безденежно». Ввиду большого объема работы для лечения раненых пришлось привлечь и частнопрактикующих лекарей, не состоящих на службе в Аптекарском приказе, — Емельяна Климова, Анания Григорьева и др. Был использован даже пленный лекарь Табаровский. Для медицинского обслуживания раненых, не попавших в Москву, были посланы доктор Гульст и аптекарь с лекарствами.

Возможность быстрой организации первого крупного военновременного госпиталя в Москве в 1678 г. свидетельствует о значительном росте русских медицинских кадров.

Наряду с уже описанной нами системой подготовки медицинских кадров в Русском государстве изредка применялся и метод отправки за границу для обучения в зарубежных медицинских учебных заведениях. Еще в 1616 г. сын аптекаря русской службы Яков Аренсен был послан в Англию, в 1626 г. Валентин Бильс — в Голландию, в 1678 г. поступил на службу в Аптекарский приказ обучившийся за границей сын доктора Томаса Келлермана Андрей и т. д. Однако все эти дети иностранцев, находившихся на русской службе, фактически ничем не отличались от наемных иностранных медиков. Кроме того, плохое знание русского языка мешало врачебной их деятельности.

---

[1] Материалы для истории медицины в России, в. 4, № 1432, 1433, стр. 1007—1009.

К концу XVII века относится получение докторского диплома в Падуанском университете Петром Васильевичем Постниковым. Подробные биографические данные о нем приведены в работе Д. Цветаева. Отец Петра Постникова был видным дьяком Посольского приказа и не раз бывал с дипломатическими поручениями в странах Западной Европы. Дед его Тимофей Постников был подьячим Аптекарского приказа. Петр Постников учился в Москве в Славяно-греко-латинской академии, причем за успехи неоднократно награждался. По окончании академии был определен в стряпчие. В 1692 г. его направили на казенный счет «по имянному великого государя царя Петра Алексеевича указу в Венецию для совершения свободных наук, в Потавинскую академию». Падуанский университет считался тогда лучшим в Европе. На медицинском его факультете, где занимался Постников, читалось 20 курсов теоретической и практической медицины. Одновременно Постников слушал курс философии. После двух лет учебы он был подвергнут испытаниям и блестящими ответами показал глубокие познания в области медицины, философии и языков («яже в совершеннейшем философе и враче искатися обыкуют»). 9 августа 1694 г. на торжественном собрании университета Постников был признан достойным ученой степени доктора медицины и философии. Некоторое время он продолжал совершенствоваться при университете и 2 мая 1695 г. получил докторский диплом, в котором сказано: «Изящнейший господин Петр Посников ко крайнему учительска сана верху во философии и врачевстве... достиже». Подлинник диплома на латинском языке не сохранился. Д. Цветаев приводит полный переводной текст этого диплома.

К сожалению, Петру Васильевичу Постникову не пришлось на практике применить свои медицинские знания. Петр 1, нуждаясь в высокообразованных русских дипломатах, владеющих иностранными языками, приказал Постникову находиться при русском посольстве в Европе, во главе которого был сам царь: «велено быть для его великого государя дел, при них, великих и полномоченых послах». Все же Постников всегда при случае продолжал заниматься медициной. Например, будучи в Венеции, он занялся экспериментальными исследованиями: «живых собак мертвить, а мертвых живить». В 1701 г. Постников вернулся на родину, где был назначен доктором Аптекарского приказа, причем его обязали заняться переводческой работой. Осенью 1701 г. Петр Васильевич Постников был опять отправлен за

границу, в Париж «для сообщения о таможних поведениях». В Париже он пробыл девять лет, до 1710 г., после чего возвратился в Россию.

Петр Васильевич Постников являет собой пример бескорыстного, самоотверженного служения интересам родины. Постников писал: «Ни деревень, ни придатков не желаю, токмо служить в чину честном и потребном всячески... За излишними денгами для моего особливого приобретения не гоняюся... пренебрегаю их, весьма устремляя моя намерения и покушения к честному и полезному услужению его величествию и государственным публичным интересам и делам»[1].

Другим русским доктором медицины, получившим ученую степень также в Падуанском университете, был сын дьяка Григорий Иванович Волков, посланный в Падую в 1698 г. По окончании университета Волков вернулся в Россию, где, как и Постников, работая на дипломатическом поприще, занимался переводческой деятельностью.

Из сделанного нами краткого обзора этого периода видно, что Аптекарский приказ, основание которого относится к концу XVI века и связано с организацией лечения узкого придворного круга, со временем стал ведать медицинским делом всего государства, в особенности медицинским обеспечением русской армии. Аптекарский приказ, несмотря на свойственный всем тогдашним царским государственным учреждениям бюрократизм в делах, на бесконечные «отписки» по всякому поводу, в истории отечественной медицины безусловно сыграл положительную роль.

Квалифицированная медицинская помощь в XVII веке, особенно в конце его, стала широко доступной зажиточным слоям населения. Но угнетаемые трудящиеся массы, конечно, попрежнему вынуждены были пользоваться средствами народной медицины.

---

[1] Цветаев Д., Медики в Московской России и первый русский доктор, стр. 38—39.

V. МЕДИЦИНА НА УКРАИНЕ И МЕДИЦИНСКИЕ СВЯЗИ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ В XVII ВЕКЕ

Оторванные от северо-восточной Руси, украинские земли при содействии феодалов-крепостников, стремившихся любой ценой подавить антифеодальную борьбу народных масс и усилить эксплуатацию народа, стали добычей литовских, польских и венгерских феодалов, султанской Турции и ее вассала — Крымского ханства. Бо́льшая часть Украины в XVI веке была захвачена панской Польшей, и в 1569 г. после Люблинской унии Киев попал под власть Польши.

Режим жесточайшего гнета и неограниченного произвола хозяйничавших на Украине польских панов, а также постоянные разбойничьи набеги турок и крымских ханов тормозили экономическое и культурное развитие Украины. Вся тяжесть крепостнического и национального гнета ложилась на крестьянские массы, низшие слои городского населения и казацкие низы.

Правительство панской Польши пыталось использовать все средства для экономической и культурной изоляции украинского и белорусского народов от единокровной России. Одним из этих средств была «уния». Часть высшего православного духовенства Украины и Белоруссии с целью подавления все усиливающейся антикрепостнической борьбы народа, стремясь любой ценой укрепить свои позиции в Речи Посполитой, пошла на вероломное предательство национальных интересов народа и провозгласила в 1596 г. на соборе в г. Бресте унию (объединение) православной и католической церквей. Организации униатской церкви активно содействовали окатоличившиеся магнаты Украины и Белоруссии, которым польское правительство

предоставляло привилегии наравне с польской шляхтой и польскими магнатами. Униатская церковь подавляла национальную культуру украинского и белорусского народов и являлась активным орудием их насильственного ополячивания. Однако уния решительно отвергалась широкими народными массами, остававшимися верными своим национальным традициям.

Часть украинского населения, уходя от бесчеловечного феодально-крепостнического гнета, создавала на юге Украины, в степях, военные казачьи поселения. Во второй половине XVI века на нижнем течении Днепра, за порогами образовалось укрепленное казацкое поселение — Запорожская Сечь, ставшая со временем мощной военной организацией и сыгравшая прогрессивную роль в вооруженной освободительной борьбе украинского народа.

Борьба против экономического гнета польско-украинских феодалов, которую не прекращал украинский народ, тесно переплеталась с освободительной борьбой против национального угнетения. «Борясь за национальное освобождение, украинский народ стремился к воссоединению с русским народом. Несмотря на все препятствия, развивались и укреплялись экономические и культурные связи Украины с Россией. Это содействовало сближению двух братских народов и оказывало благотворное влияние на развитие их культуры»[1].

Экономические связи между Русским государством и Украиной расширялись. Украинские купцы приобретали в русских городах пушнину и высококачественные металлические изделия, продавали там стекло, селитру, соль и пр. Русские купцы в тесном контакте с украинскими вели обширную торговлю с европейскими и другими странами.

В развитии национальной культуры братских русского, украинского и белорусского народов, особенно украинского и белорусского, лишенных своей государственности, большую роль сыграли всё укреплявшиеся культурные связи с русским народом. Подробный очерк развития культуры на Украине в XIV—XVII вв. дан в недавно вышедшей в свет «Истории Украинской ССР». Образованность на Украине в XIV—XVI вв., в частности грамотность, была мало распространена даже среди верхушки господствую-

---

[1] Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.), Госполитиздат, 1954, стр. 7.

щего класса. Украинские, белорусские и литовские магнаты в то время, нуждаясь в грамотных людях, часто приглашали их из Русского государства. Основоположником книгопечатания на Украине был русский первопечатник Иван Федоров, уехавший из Москвы в 60-х годах XVI века вместе со своим помощником белорусом Петром Мстиславцем и издавший во Львове в 1574 г. первую печатную книгу на Украине «Апостол». Деятельность Ивана Федорова имела большое значение в укреплении культурных связей двух братских народов.

Значительную роль в противодействии насильственно проводимому ополячиванию украинского и белорусского народов сыграли образовавшиеся во второй половине XVI и начале XVII века братства. В их деятельности принимали участие, кроме горожан, также мелкое украинское и белорусское панство и рядовые служители православной церкви. Братства активно занимались просветительной деятельностью, создавая школы и типографии. Школы были организованы в Киеве, Львове, Виннице, Луцке и других городах. Основным языком преподавания в братских школах был славянский. «Славянской грамматикой» Мелетия Смотрицкого, впервые изданной в 1619 г., затем очень долго пользовались в русских, украинских, белорусских, сербских и болгарских школах. Задача братских школ, кроме обучения грамоте, заключалась в противодействии влиянию многочисленных польско-католических школ, стремившихся подавить национальную культуру украинского народа.

В 1631 г. школа, существовавшая при Киево-Печерском монастыре, и школа Киевского братства были слиты, и на их базе организовалась Киево-Могилянская коллегия, получившая это название в честь инициатора ее создания Петра Могилы. Эта коллегия имела 6 классов. Преподавание в ней для того времени было поставлено на высоком уровне. Из Киево-Могилянской коллегии вышел ряд видных ученых того времени, например Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский, позднейшая медицинского характера переводческая деятельность которых в Москве приобрела большую известность.

Развитию медицинского дела на Украине, как и развитию культуры вообще, препятствовало тяжелое политико-экономическое положение жестоко угнетаемого украинского народа. Медицинское дело в панской Польше, захватившей украинские земли, оставалось вне всякого внимания

и контроля государственной власти. Историк польской медицины Гонсиоровский писал, что польские короли и магнаты заботились о «кухне и вине больше, чем о врачебном деле». Поэтому естественно, указывает Гонсиоровский, что Польша тогда была прибежищем для различного рода шарлатанов и авантюристов, именовавших себя врачами [1].

Трудовые массы украинского народа, однако, широко пользовались средствами народной медицины. Следует отметить, что народная медицина на Украине владела и некоторыми способами профилактики. Оспопрививание среди украинского народа было известно задолго до появления его в западно-европейских странах. Доказательства этому приведены в книге известного ученого и путешественника Самуила Георга Гмелина, посетившего Украину в 1768—1769 гг. Книга эта была издана на немецком языке и переведена на русский в 1771 г. под названием «Путешествие по России для исследования трех царств естества. Часть первая. Путешествие из Санктпетербурга до Черкаска, главного города донских казаков в 1768 и 1769 годах». «В Малороссии,— пишет Гмелин,— уже давно есть обыкновение прививать малым ребятам оспу... Купив или скрытым образом взяв хорошей оспы, привязывают ее матери детям своим к разным частям тела и оставляют так до тех пор, пока не усмотрят в них жару, который как скоро откажется, то и повязку снимают. А чтобы оспа высыпала, то делают они посредством сырого и вареного меду, не употребляя при том ничего другого. Дети, коим привита оспа, ходят на вольном воздухе, едят и пьют, как бы они были совсем здоровы... Не ясно ли же видно из сего, что прививание оспы в некоторых российских провинциях гораздо прежде, нежели в других местах известно» [2].

Широкое распространение на Украине, по свидетельству Гмелина, имело и лечение сифилиса ртутными препаратами. «Французская болезнь, как в Острогожске, так и во всей Малороссии, весьма известна и сильно вкоренилась... Многие не пользуются от сей заразы ничем; и для сей то самой причины без сомнения она и усиливается... Меркурий уже из давних времен почитается здесь общим от всех болезней лекарством. Взяв один его золотник, разводят в трех фунтах водки, и больной принимает каждое утро

---

[1] Верхратський С., Матеріали з історії медицини на Україні (до часів введення земства), К., 1944, стор. 46—47.
[2] Киевская старина, октябрь 1895.

около половины унции сего состава. Наблюдающие в приеме меру видят от того очевидную себе помощь; я и сам имел разговор со многими французскою нечистью страдавшими, и сим отважным средством совершенно излечившимися людьми». Лечение ртутью применялось и с целью профилактики сифилиса: «Находятся и такие, кои, имея худую совесть, употребляют его для своего предохранения, хотя они и не заражены в самом деле прилипчивою сею нечистью». Таким образом, «открытие» Свитеном лечения сифилиса ртутью не является новшеством и было задолго до него известно нашему народу. «Итак,— заключает Гмелин,— употребление меркурия, которое показал г. барон Свитен, и чем он снискал великую себе честь, совсем не ново... малороссийские старики (о прочем я уже не говорю) уверяют, что предки их знали о меркурии, употребление которого они от них и переняли» [1].

Оспопрививание и применение ртутных препаратов в качестве противовенерического средства было тогда известно и русскому народу. Так, А. Саншес писал о случаях лечения сулемой венерических болезней в Сибири в начале XVIII века. Профессор Петербургской академии П. С. Паллас, путешествовавший по России в 1768—1773 гг. и издавший свои путевые наблюдения и заметки в трех частях («Путешествие по разным провинциям Российской империи»), сообщил о широком применении оспопрививания «по всей восточной Сибири до самого Якутска [2].

Имеется целый ряд данных, указывающих на широкое распространение на Украине цирюльников, занимавшихся в то время в основном хирургической практикой — лечением ран, кровопусканием, а также лечением венерических и кожных заболеваний. При лечении цирюльники, по всей вероятности, широко применяли средства народной медицины. В 1593 г. в городах Западной Украины были организованы специальные цехи цирюльников.

В Запорожской Сечи имелись медицинские специалисты. Так, запорожцев, раненных в бою с турками и крымскими татарами в 1675 г., отдали на лечение «сичевым цырульникам» [3].

---

[1] Киевская старина, октябрь 1895.

[2] Громбах С. М., Русская медицинская литература XVIII в., М., 1953, стр. 104—107.

[3] Эварницкий Д. И., История запорожских казаков, т. II, СПБ, 1895, стр. 506.

Существовавшие в Киеве цирюльники до 1767 г. ввиду своей немногочисленности входили в состав кравецкого (портняжного) цеха. В 1767 г. киевский магистрат удовлетворил просьбу киевских цирюльников о выделении их в отдельный цех. Начальником цеха был избран «Григорий Иванов, сын Хотяновского». Устав этого цеха дает представление о характере и объеме деятельности цирюльников на Украине. Устав состоял из 10 пунктов. В нем определялись взаимоотношения членов цеха и излагалось положение об учениках. Пункт 10-й устава определял объем работы, выполняемой цирюльниками: «Оное майстерство цырюльницкое имеет состоять в том: бреить, кров жилную и зашкурную пускать, рани гоить рубание, пробитие и стреляние, а особливо в вирвании зуба и в излечении французской и шолудней болезней, в поставке крастеров и в шлюфовании бритв». Магистрат утвердил устав, указав в своем постановлении: «Особливо внутренних и других к тому их цырюльническому майстерству неподлежащих болезней, кроме какие они в тех своих пунктах показали, отнюдь лечить не имеют» [1].

Существовало на Украине и аптекарское дело. Известно, что некий киевский аптекарь еще в 1445 г. переехал в Варшаву и завел там аптеку [2].

Подобно русскому народу, украинский народ систематизировал известные ему медицинские знания. П. А. Сырку [3] приводит текст украинского рукописного лечебника XVII века. При изучении ряда украинских лечебников XVIII века, произведенном А. Потебней [4], выяснено использование при их написании «источников великорусской редакции».

Невзирая на жестокий национальный гнет, ряд представителей украинского народа добивался права на обучение и получал специальное медицинское образование.

Из архивных материалов установлено, что в списках студентов медицинского факультета Краковского университета указаны студенты, происходящие из Западной Украины (Червоной Руси). В этих списках в 1473 г. числятся: студент Фома, в 1478 г.— второй Фома, в 1536 г.— Андрей, в 1572 г.— Семен и др. Первым в «Альбоме студентов» в

---

[1] Киевская старина, ноябрь 1883.

[2] Змеев Л. Ф., Первые аптеки в России.

[3] Филологические записки, в. I, 1883.

[4] Киевская старина, январь 1890.

1468 г. записан Георгий Дрогобыч: «В зимнюю перемену Георгий Михаил Дрогобыч, уплативший 1 грош, записан на 253 листе вторым сверху». Свое происхождение он обычно подчеркивал, добавляя к своей фамилии de Russia, А. С. Подражанским и Н. А. Обориным[1] представлены биографические сведения об этом крупнейшем отечественном ученом медике XV века. В 1470 г. Георгий Дрогобыч был уже бакалавром, а в 1473 г. получил звание магистра и уехал продолжать образование в Болонью. В 1476 г. он стал доктором философии и медицины, продолжая работу в Болонском университете, а с 1481 по 1482 г. был здесь ректором. В списках лекторов Болонского университета на 1481—1482 учебный год записано: «Господин магистр Георгий с Руси господ студентов философов и медиков достойнейший ректор». Существуют данные, что Георгий Дрогобыч был некоторое время профессором и вице-канцлером Истрополитанской академии в Братиславе — первого венгерского университета, переведенного потом в Будапешт. Возвратившись в Краков в 1488 г., он получил место профессора медицинского факультета, читая весь тогдашний курс медицины. До 1505 г. в Краковском университете существовала всего лишь одна кафедра медицины, которую занимал с 1475 г. Ян с Регул. Георгий Дрогобыч был экстраординарным профессором. Это подтверждается архивными документами Краковского университета, где записано, что ординарный профессор Ян с Регул «уведомляет, что в предстоящем полугодии он будет преподавать первую часть IV книги Авиценны о горячках и коротко практически Серапиона, затем другой лектор Юрий с Дрогобыча заявляет, что он будет читать в дальнейшем книги Галена». Георгий Дрогобыч в 1483 г. опубликовал на латинском языке трактат: «Прогностическое суждение в текущем 1483 г. исполненное», состоящий из 10 частей. К медицине здесь относится 8-я часть. Показательно, что в этом сочинении Георгий Дрогобыч своей родиной называет «Russia Podolia», а во 2-й части пишет: «Краков и Познань принадлежат Польше, так как Львов и Дрогобыч — Руси, Буда и Кошица — Венгрии, Братислава и Нисса — Селезии». Это сочинение является по сути первой печатной книгой, автором которой был наш соотечественник. Книга эта представляется библиографической редкостью в настоящее время известно о существовании только двух

[1] Врачебное дело, № 10, 1951; Советская медицина, № 2, 1954.

ее экземпляров. Умер Георгий Дрогобыч в Кракове в 1494 г.

Большое значение в культурно-просветительном отношении как для России, так и для Украины и Белоруссии имела издательская деятельность представителя братского белорусского народа, доктора медицины Георгия Фран-

Рис. 13. Георгий Скорина (по Д. М. Российскому).

циска Скорины (рис. 13). Родился он в белорусской семье в г. Полоцке, вероятно, в девяностых годах XV века. Согласно данным Д. М. Российского [1], Скорина значится студентом Краковского университета в списках за 1504 г. на обороте 500-го листа за № 528. Так как Краковский университет до 1526 г. не имел права присуждать степень доктора медицины, то Скорина, подобно другим студентам этого

[1] Врачебное дело, № 2, 1951.

университета, для получения докторского диплома должен был направиться в другой университет. Георгий Скорина избрал знаменитый в то время медицинский факультет Падуанского университета, где 9 ноября 1512 г. и был удостоен степени доктора медицины. Обстоятельства, при которых Георгию Скорине была присуждена степень доктора медицины, описаны И. А. Шляпкиным[1]; ознакомившись с книгой актов Падуанского университета, он в своей работе приводит подлинники соответствующих актов на латинском языке. 5 ноября 1512 г. на заседании медицинской коллегии университета вице-приор доктор медицины Фаддей Муссати сообщил членам коллегии, что «некто, ученейший, но бедный юноша» из Полоцка, Франциск, сын умершего Луки, Скорина, уже имеющий степень доктора artium (искусств), просит дать ему возможность приобрести степень доктора медицины бесплатно (de gratia speciali). После речи вице-приора вошел сам Георгий Скорина и подтвердил свою просьбу. Произведенная шарами баллотировка решила вопрос положительно, Скорина был допущен к частному испытанию по медицине. Этот второй специальный экзамен произошел 9 ноября 1512 г. на торжественном заседании медицинской коллегии в епископальном дворце в Падуе. Георгий Скорина, подвергнутый строгому экзамену, прекрасно отвечал на все вопросы, успешно защищал свои положения и был единогласно признан «подходящим в медицинских науках», объявлен доктором медицины и от имени медицинской коллегии возведен в это звание Бартоломеем Баризони. Последующая деятельность Георгия Скорины была связана с культурно-просветительной издательской деятельностью: в 20-х годах XVI века он организовал в Вильно первую славяно-русскую типографию. В предисловии к одной из изданных им книг Георгий Скорина писал, что желает быть полезным своему народу, «своей братии Руси, наиболее с тое причины, иже мя милостивый бог с того языка на свет пустил».

Упомянутые выше братства, наряду с культурно-просветительной работой (организация школ, типографий), проводили и некоторые медико-благотворительные мероприятия, создавая госпитали («шпитали»), в которых лечились и содержались больные и инвалиды. Львовское братство в 1591 г. соорудило больницу, мужскую и женскую бога-

[1] Журн. мин. нар. просвещ., апрель 1892.

дельни. В конце XVI века в местечке Борисполе цех мясников имел свой госпиталь. В Ковеле цех портных в 1618 г. устроил госпиталь. В Киеве в 1629 г. был открыт «шпиталь» для людей «убогих, старых, и уломных». В 1630 г. в Киеве уже упоминается о существовании специального больничного монастыря. Нами обнаружен текст царской жалованной грамоты от 8 марта 1680 г., подтверждающей привилегии Киевского больничного («болницкого») монастыря (рис. 14).

Раненые казаки лечились в госпитале, который существовал с 1576 г. при монастыре в местечке Трахтемирове [1]. Этот госпиталь был разрушен войсками панской Польши во время освободительных войн украинского народа. В польской хронике Станислава Освецима записано: «1643 г. 3 декабря... Ночевали в Трахтемирове. Когда-то тут был город, но он разрушен нашим войском во время войны с вольными казаками... Во время бунтов Трахтемиров был местом их скопления. Теперь тут осталось только маленькое сельцо» [2]. Однако казаки быстро восстановили разрушенный госпиталь. Лечились казаки и в госпитале при Межигорском монастыре. Лечением ведали выделенные для этого монахи, знакомые, вероятно, с основами даже научной медицины, так как Межигорский монастырь имел большую библиотеку, в которой были книги и на латинском языке. За помощь, оказанную казакам, Богдан Хмельницкий передал Межигорскому монастырю местечко Вышгород с селами. Раненые казаки и инвалиды находили медицинскую помощь и приют и в других госпиталях, причем, как пишет С. Верхратский, Запорожская Сечь вносила известные суммы на их лечение из общей войсковой кассы.

Организовывались «шпитали» и на территории братских Белоруссии и Литвы. В 1592 г. братство «шпитальное церкви соборное Менское» (в Минске) имело свой госпиталь. В госпитале Виленского братства в 1601 г. находили приют раненые и больные.

Количество богаделен, где содержались инвалиды, на Украине было значительным. По свидетельству Павла Алеппского, описавшего путешествие патриарха Макария в Россию в середине XVII века, «по всей стране казаков»

---

[1] Акты Южной и Западной России, СПБ, т. X, 1878, стр. 442, 459.

[2] Верхратський С, Матеріали з історії медицини на Україні (до часів введення земства), стр. 88.

Москва 1680 Авг. 8 — № 5.

Болницкого Монастыря маетности.

Пожаловали есмя обители Успения пресвятыя Богородицы и преподобных отец Антония и Феодосия Киевопечерского Монастыря Архимандрита Иннокентия Гизеля и Киевопечерских в болнице Троицкого Монастыря старцов и кто по нем в Киевопечерской обители впредь Архимандритов и в Болницком Монастыре братия будут повелели им дать сю нашу великого Государя нашего Царского Величества жалованную грамоту в подтверждение прежних жалованных ее грамотам, отца нашего Государева блаженные памяти великого Государя Царя и великого Князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя России Самодержца каковы они имеют на Монастырские вотчины и на всякия к тому Монастырю належащие угодья. Для того что в нынешнем во РПИ году нам великому Государю нашему Царскому Величеству [Государю нашему Царскому Величеству] били челом той [illegible] обители Архимандрит Болницкого

Рис. 14. Текст царской грамоты, подтверждающей привилегии Киевского больничного («болницкого») монастыря.

(Госуд. публ. б-ка АН УССР, отдел рук. $\frac{430}{655}$ = II С, л. 13)

(Украине) выстроено много домов для инвалидов, «служащие им убежищем»[1].

Польские паны и иезуиты преследовали братства. В трехтомнике материалов по воссоединению Украины с Россией приведена жалоба Луцкого братства, в которой описывается вооруженное нападение иезуитов на братский госпиталь 11 августа 1634 г.: «Также тыж и убогих уломных в шпиталю будучих и при шпиталю зас мешкаючих... напали абы только был русин... шаблями, киями и цеглами... побили, потовкли и помордовали». Были разрушены также и помещения госпиталя, школы и церкви: «окна, шибы у церкве, школ, целли и шпиталя каменями повыбияные, скрынку... шпитальную з ланцушка уравную»[2].

Неоднократную помощь украинским братствам, в частности и в сооружении и содержании госпиталей, оказывала Россия. Убедительный пример тому—помощь, оказанная Россией Львовскому братству. В тяжелую для него минуту Львовское братство обратилось за помощью к России. В 1592 г. в Москву была послана делегация братства, в состав которой входили братский священник Михаил и мещане Лев Губа, Николай Добрянский, Иван Пятницкий. Братство просило помощи на сооружение церкви и на госпиталь. И. П. Крипьякевич приводит сохранившиеся письма братства к царю Федору Ивановичу и боярину Андрею Ивановичу Щелканову с просьбой о помощи ввиду тяжелого экономического положения братства: «Понеже в полских странах во великих печалех обретаемся, яко не имуще прибежища». Госпиталь братства не мог вместить всех больных и инвалидов, которые погибали на улицах без всякой помощи: «Болницу на том же манастыру, которую начахом камением здати множества рады нищих, которые служащие от иноверных нам накидают болных и под стенами гнойны скопчеваются, понеже тесно место жития нашего внутр града имамы и домы наша огнем погоревши зело обнищаша». Братское посольство выехало из Львова в июле 1592 г., а в сентябре уже было в Москве, где и получило значительную финансовую помощь как на строительство церкви,

---

[1] В. Бензин, Церковно-приходская благотворительность на Руси. Трудовая помощь, № 8, 1906.

[2] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах, т. I, М., 1953, стр. 138—142.

так и на госпиталь. В знак благодарности за оказанную помощь в куполе Успенской церкви во Львове братство поместило русский герб с надписью: «Пресветлый царь и великий князь Московороссии Федор Иванович бысть благодатель церкви[1].

Культурные связи Украины с Россией продолжали крепнуть. Тысячи украинцев, спасаясь от преследований и гнета панской Польши переходили на жительство в Россию. В Москве и других городах и поселках России было много украинских мастеров, людей с образованием. Украинцы, перешедшие в русское подданство, совместно с русскими войсками принимали участие в защите русских земель от татарских набегов. Раненым украинцам русское правительство выплачивало деньги на лечение полученных ран: «А в нынешнем 147 году (1639 г.) по отписке с Усерда князя Ивана Волконсково были на том же бою черкасы Ивашко Прудник да Власко Иванов и с татары бились. Ивашко Прудник ранен из лука в 5-ти местех да тят саблею по левой руке, а ис под нево взят конь и с седлом. И государева жалованья дано им: Ивашку Пруднику на лечбу ран 3 рубли, да в приказ для иноземства 2 рубли, да за сукно 2 рубли, да ему же дано за конь 8 рублев». Другому «черкашанину Ивашко Протасову за изрон» выплачено 6 руб.[2].

В XVII веке крупнейшим культурным центром Украины был Киев, где, как указывалось, на базе школы Киево-Печерского монастыря и Братской школы в начале 30-х годов была создана Киево-Могилянская коллегия. Экономические и культурные связи украинского и русского народов становились все теснее и теснее. Некоторые из наиболее образованных и хорошо владевших иностранными языками украинцев приглашались в Москву для переводческой работы. В 1649 г. царь Алексей Михайлович пригласил в Москву из Киевской коллегии нескольких знатоков греческого и латинского языков: «Ведомо нам... учинилося, что учители священноиноки Арсений да Дамаскин Птицкий... с еллинского языку на словенскую речь перевести умеют, и латинскую речь достаточно знают... тех учителей приговорити и прислати... на время нам, великому государю, по-

---

[1] Крип'якевич І. П., Зв'язки Західної України з Росією до середини XVII ст., К., 1953, стр. 25—27.

[2] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах, т. I, стр. 282.

служити»[1]. Сохранившиеся и приведенные в трехтомнике материалов по воссоединению архивные документы показывают, что прибывшие в Москву украинские ученые переводчики были по указанию русского правительства хорошо обеспечены. Арсений Сатановский перевел в Москве с латинского языка книгу «О граде царицы, или Поучения некоего учителя, имянем Мефрета, собрана от 220 творцев греческих и латинских, как внешних философов, стихотворцев и историков, врачев...» Эта книга носила энциклопедический характер и содержала много сведений о «врачевания на многовидныя болезни»[2].

Одновременно приехавший в Москву из Киева Эпифаний Славинецкий осуществил в Москве перевод с латинского языка на славянский знаменитого трактата по анатомии, принадлежащего Андрею Везалию. Работа над переводом была начата и закончена во второй половине 50-х годов. (1658). Славинецкому принадлежит честь первого перевода этой книги, так как последующий перевод ее (на немецкий язык) был выполнен лишь спустя более 100 лет Левелиндом в 1781 г. Переведенный Славинецким трактат Везалия был озаглавлен: «Врачевская анатомия». Е. Славинецкий интересовался вопросами воспитания и даже написал книгу «Гражданство обычаев детских», где много внимания уделено физическому воспитанию детей, вопросам детской гигиены и пр.[3].

Известны случаи, когда из России на Украину для оказания медицинской помощи присылались квалифицированные врачи и медикаменты. Так, в 1630 г. киевскому митрополиту И. Борецкому для оказания ему врачебной помощи по его просьбе был прислан из Путивля лекарь Гаврила: «Ваше святительство писали к нам, чтоб нам прислати для твоей немощи из Путивля лекаря Гаврилка... А в Путивль к воеводам от царского величества писано, а велели ис Путивля лекаря Гаврилка с лекарством к тебе отпустити. Как тот лекарь Гаврилко у тебя отделаетца и тебе велети его отпустити назад в Путивль»[4].

Национально-освободительной борьбой 1648—1654 гг. против панской Польши украинский народ вписал славную страницу в свою историю. Вооруженные силы украинского

---

[1] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах, т. II, М., 1953, стор. 197.

[2] Там же, т. III, стр. 217.

[3] Конюс Э. М., Истоки русской педиатрии, стр. 48.

[4] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах, т. I, стр. 81.

народа под руководством выдающегося полководца и государственного деятеля Богдана Хмельницкого одержали ряд блестящих побед над польско-шляхетским войском и освободили от врага бо́льшую часть Украины. Крестьяне Молдавии принимали участие в этой борьбе. Вооруженная освободительная борьба украинского народа находила отклик среди угнетенного польского крестьянства. Большая помощь продовольствием и вооружением, а также постоянная дипломатическая поддержка, оказываемая Россией, способствовали успеху освободительного движения на Украине. В рядах украинских войск было много донских казаков, русских крестьян и горожан.

Имеются некоторые сведения о медицинском обеспечении в этот период войск Богдана Хмельницкого[1]. В Збаровском походе принимал участие лекарь Лука Литвин («для лекарства раненых людей»), в Киевском полку был цирюльник Иван, в Белорусском полку Ивана Нечая — лекарь, при артиллерии — цирюльник и коновалы. В реестре 1649 г. почти в каждой сотне были цирюльники. Общий надзор за ранеными и больными поручался кому-нибудь из старшин. Так, нежинский полковник Иван Золотаренко, отправляясь в поход, оставил при раненых казаках Ивана Половича. При Богдане Хмельницком были лекарь, хирург и цирюльник. В случаях эпидемических заболеваний применялись некоторые меры изоляции. Например, во время эпидемии в 1653 г. на окраинах Чигирина и Субботова были поставлены заставы, которые не пропускали прохожих.

Украинский народ смог, наконец, добиться своей вековой цели — воссоединения с братским русским народом. 1 октября 1653 г. Земский собор в Москве принял решение о воссоединении Украины с Россией.

8/18/ января 1654 г. на Раде в городе Переяславе было провозглашено воссоединение Украины с Россией. Решение Переяславской Рады было встречено широкими народными массами Украины с огромным энтузиазмом. «Решение Переяславской Рады явилось завершением общенародной борьбы за воссоединение Украины с Россией, выражением вековых стремлений и надежд украинского народа и знаменовало поворотный этап в его жизни... Воссоединение с сильным централизованным Российским государством способствовало развитию экономики и культуры Украины. Во

---

[1] Акты Южной и Западной России, СПБ, т. III, 1861, стр. 345; т. IV, 1863, стр. 263—264; т. X, 1878, стр. 44.

второй половине XVII века экономика Украины стала неотъемлемой частью образовавшегося всероссийского рынка. Воссоединение содействовало росту производительных сил России и Украины, культурному взаимообогащению двух братских народов»[1].

Воссоединение оказало положительное влияние и на развитие медицинского дела на Украине. В медицинском обеспечении войск, сражавшихся за освобождение земель Украины и Белоруссии, активное участие принимал упомянутый выше первый набор лекарской школы. Например, известно, что одна из групп лекарских учеников под руководством лекаря Юрия была в войсках воеводы Шереметьева: «С бояриком и воеводы с Васильем Борисовичем Шереметевым с товарыщи лекарь 1 чел. да с ним 6 человек лекарских учеников». Эта медицинская группа оказывала помощь раненным в бою с войсками панской Польши под Белой Церковью в январе 1655 г.: «В Генваре месяце ходили мы холопи твои от Белой церкви против поляков, татар и немец... был с ними бой и на бою ратных людей ранили многих»[2]. Этот же медицинский отряд был в марте 1655 г. переброшен в полк воеводы Василия Васильевича Бутурлина под руководством уже другого врача — Василия Ульфова, причем был дан наказ о строгом соблюдении лекарскими учениками дисциплины: «Велели лекарю Василью Ульфову учеников лекарскому делу учить с великим раденнем, чтоб они лекарскому делу были навычны; а лекарского дела учеником Ондрюшке Федотову с товарыщи велели сказать, чтоб они лекаря Василья Ульфова слушали и лекарскому делу учились с великим раденьем»[3]. В феврале 1655 г. в армию прибыла новая группа врачей, лекарских учеников и цирюльников, а также доставлены медикаменты на 14 подводах[4].

На Украину, не считая указанных выше лекарей и лекарских учеников, непосредственно обслуживающих войска, стали направлять квалифицированных, со специальным медицинским образованием русских полковых лекарей. Из России начали поступать медикаменты. Приведем несколько примеров. В 1666 г. в Киеве «в полку у боярина и воевод

---

[1] Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.), стр. 10—11.

[2] Материалы для истории медицины в России, в. 3, № 646, стр. 632—633.

[3] Там же, № 652, стр. 635—636.

[4] Там же, № 651, стр. 633—634.

у Петра Васильевича Шереметьева с товарыщи» был полковой лекарь Афонька Шешуков [1], в 1677 г.— лекарский ученик Ивашка Веденихтов «на службе в Чигирине — полковника в Матвееве полку Кровкова» [2]. Из челобитной лекаря Табаровского видно, что сын его Матвей Табаровский работал в 1679 г. в Киеве: «А сынишко мой Матюшка служит... в оптеке в лекарях и посла на... службу в Киев» [3]. Посылался в Киев в 1677 г. также лекарь Алексей Бединский: «Послан на государеву службу в Киев... лекарь Алексей Бединской» [4]. В расходной книге Киевской приказной избы за 1676—1677 гг. записано, что при войсках Киевского гарнизона состояли «оптекарского Приказу лекарь Алексей Бединский» и, кроме того, киевские жители цирюльники Максим Михайлов и Клим Прокофьев [5]. В 1680 г. в Москву из Киева были переведены служившие там лекари Екимов и Лимерс [6]. Служил в Киеве и лекарь Иван Казаринов, что подтверждается указом об отзыве его из Киева в Москву: «Аптекарского приказу лекаря Ивана Казаринова, который на службе великого государя в Киеве, указали взять к Москве» [7]. В 1687 г. в Киеве при гарнизоне были лекарь с учеником и специальный лекарственный склад [8].

Медикаменты поступали из России. Так, в числе медикаментов, посланных в Чернигов из Севска, был уксус, необходимый «ратним людем, больным и раненым по рассмотрению с бережением» [9]. В 1666 г. в Киев было приказано отпустить «ратным людем которые больны сто ведер сбитню и триста ведер уксусу из Приказа Большого дворца» [10]. В 1688 г. были посланы медикаменты в Ново-Богородицкую крепость на Украине: «... велено послать на Самарь в Ново-Богородицкой город подполковника московских стрельцов

---

[1] Материалы для истории медицины в России, в. 2, № 376, стр. 317.

[2] Там же, в. 4, № 1383, стр. 931.

[3] Там же, № 1485, стр. 1112.

[4] Там же, № 1390, стр. 945.

[5] Соколовский М., Характер и значение деятельности Аптекарского приказа, стр. 15.

[6] Новомбергский Н., Материалы по истории медицины в России, т. II, стр. 170.

[7] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, Приложения, № 39.

[8] Загоскин Н. П., Врачи и врачебное дело в старинной России, стр. 63.

[9] Центральный Госуд. архив древних актов, Малороссийский приказ, столб. 72, л. 117.

[10] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 364.

Ивана Лешукова... да им же дают для службы з дворцов запасы, а из аптекарского приказу лекарства». Ново-Богородицкая крепость была сооружена «для наивящего неприятелю утеснения и для защищения от их же неприятельского приходу на великороссийские и малороссийские городы, а паче защищая самих вас, наших царского величества поданых в Сече живущих» [1].

В Россию с Украины стали поступать лекарственные растения. В 1676 г. «посылан был из Оптекарского Приказу в Киев алхимиского дела Тихан Ананьин, да с ним Аптекарского дела ученик Алешка Иванов для покупки всяких огородных дерев и цветов и семян на Государев аптекарский огород» [2].

Существовавшие близ Москвы два стекольных завода не могли удовлетворить растущих потребностей Аптекарского приказа. Из архивов Аптекарского приказа видно, что в 1662 г. «велено колуженину посадцкому человеку Ганке Луковникову в черкасских (украинских) городех купить скляницы, а те скляницы надобны в Оптекарском Приказе» [3].

Для медицинского обслуживания украинского гетмана и казацкой старшины русское правительство направило наиболее квалифицированных докторов Аптекарского приказа. В 1681 г. к гетману Ивану Самойловичу был послан глазной врач «... доброй окулист или дохтур искусной, — и того б указал великий государь отпустить к нему гетману, побывать для очной ево болезни» [4]. Известен архивный документ, указывающий на постоянное медицинское обслуживание с 1691 г. украинской старшины и гетмана доктором Аптекарского приказа Иваном Комниным. Следует подчеркнуть, что этот доктор получал жалованья из Аптекарского приказа 300 руб. в год, что являлось тогда очень крупной суммой. Медикаменты для лечения Иван Комнин получал из Аптекарского приказа: «... послан войска Запорожского обоих сторон Днепра к гетману... для совершенного при помощи божией в припадающих скорбях его

---

[1] Эварницкий Д. И., Источники для истории запорожских казаков, т. I, Владимир, 1903, стр. 136, 145—146.

[2] Материалы для истории медицины в России, в. 4, № 1356, стр. 903.

[3] Там же, в. 2, № 293, стр. 212.

[4] Там же, в. 4, № 1648, стр. 1258.

облегчения и для генеральной старшины и полковников с лекарствы дохтур Иван Комнин»[1].

В XVIII веке на базе гарнизонного госпиталя в Елизаветграде, организованного в 1777 г., была создана по образцу русского медицинского учебного заведения крупная медицинская школа. Слушатели этой школы комплектовались из числа учащихся различных учебных заведений Украины. Школа, открытая в 1787 г., обладала высококвалифицированными преподавателями (П. Колб, Е. О. Мухин, Н. Терновский и др.[2]).

После воссоединения Украины с Россией русское правительство немедленно стало широко внедрять на Украине четко выработанную уже к тому времени в России систему строгих карантинных мероприятий при эпидемических заболеваниях. Приведем выдержку из наказа от 30 января 1654 г., посланного Посольским приказом в Киев воеводам Ф. Куракину и Ф. Волконскому, об организации на Украине строгого контроля над возможностью проникновения эпидемических заболеваний из граничащих с Украиною стран. Данный документ чрезвычайно ярко описывает систему карантинных мероприятий при возникновении или угрозе проникновения эпидемий: «А будет ис польские и из литовские стороны приедут на заставы и на сторожи на государево имя на вечную службу какие люди, или придут ис которых земель полоняники, и бояром и воеводам тех выходцов и полоняников на заставах и на отезжих сторожах велети роспрашивати, нет ли в тех местех, откуды они приехали, на люди морового поветрия. И будет в тех местех откуды они приехали, на люди моровое поветрее, и боярам и воеводам тех выходцов и полоняников велети держати за заставою и про всякие вести и про моровое поветрее велети их за заставою роспрашивати через огонь. И велеть роспросные их речи за заставою переписывать на новую бумагу, через же огонь и те их роспросные речи велети жечь, а на новой бумаге роспросные речи велети присылати к себе в Киев. И те роспросные речи в Киеве велети переписывати на новую ж бумагу, да о том писати ко государю... наскоро. А отписки велети отдавати в Путивле воеводам для того, что те их отписки велено в Путивле переписывати на новую бумагу, а на новой бумаге те их отписки велено

---

[1] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, Приложения, № 40.

[2] Палкин Б. Н., Первая медицинская школа на Украине, Врачебное дело, № 1, 1953.

присылати ко государю ис Путивля, а киевских гонцов велено ворочать назад в Киев.

А от польсково и от литовского рубежа по всем дорогам и по малым стежкам, и по приметным по всем местам учинити заставы и сторожи крепкие и велеть беречь накрепко, чтобы в Киев и в Киевский уезд и в ыные ни в которые городы и в уезды мимо Киева и киевских застав из моровых мест... нихто не проехал и пеш не прошел и не прокрался никоторыми обычаи. И за заставами б нихто ничего ни у кого не покупал и даром ни у кого не имал... чтоб от тово в Киев и в Киевский уезд и в ыные ни в которые в здоровые места морового поветрея не нанесло. Да и по городам, куды пригоже, о том писати ж, чтоб в городех от польского и от литовского рубежа, для береженья от морового поветрея, потому ж заставы крепкие чинили»[1].

В 1681 г., вследствие известия о возникновении в Кракове эпидемии, «для опасения от морового поветрея в Киеве и в иных малороссийских городах на причинных местах от литовского рубежа, проведав подлинно, учинить заставы»[2].

Карантинные меры по образцу, указанному русским правительством, стали применяться и украинской администрацией. В сентябре 1681 г. гетман Иван Самойлович издал приказ о запрещении «из Запорожья и из волошской земли купецких людей на сю сторону Днепра в городы перепускать» вследствие сообщения о «моровом поветрии» в турецком городе Казыкермени[3]. Казачьим войскам, направляемым в Ново-Богородицкую крепость, где свирепствовала в то время (май 1690 г.) «моровая язва», давались указания, чтобы они «вещи от умерлых, одежды и денег... отнюдь брати не важилися и людей за поветренных к себе пропускати не смели, яковы через тое... не нанеслося межи них, а от них и межи городы оное моровое вредительство»[4].

* *
*

Воссоединение Украины с Россией, подготовленное всем ходом исторической жизни обоих братских народов, сыграло огромную роль в деле дальнейшего политико-экономи-

---

[1] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах, т. III, стр. 530—531.

[2] Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, стр. 331.

[3] Там же.

[4] Эварницкий Д. И., Источники для истории запорожских казаков, стр. 251.

ческого и культурного развития обоих народов. Было обеспечено благотворное влияние развивающейся прогрессивной русской культуры на украинскую культуру. Великий русский революционер-демократ В. Г. Белинский писал по этому поводу: «Слившись навеки с единокровною ей Россиею, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке... Вместе с Россией ей предстоит теперь великая будущность». Тесные связи двух братских народов крепли и дальше в совместной борьбе как против гнета царского правительства, помещиков и капиталистов, так и против иноземных захватчиков. Украина впоследствии дала целый ряд крупнейших деятелей отечественной медицинской науки.

Великая Октябрьская социалистическая революция навсегда освободила нашу страну от помещичье-капиталистического гнета. «Образование Союза Советских Социалистических Республик обеспечило все необходимые условия для невиданного в истории человечества экономического, политического и культурного расцвета всей Советской страны и каждой советской республики в отдельности, для превращения ранее отсталых и угнетенных народов в передовые социалистические нации» [1]. Были созданы все возможности для бурного развития экономической, политической и культурной жизни всех народов, входящих в состав нашей великой Родины, в частности для развития медицинской науки, призванной охранять здоровье советских граждан — строителей коммунистического общества.

---

[1] Тезисы к 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.), стр. 20.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И., Сочинения, т. I, изд. 4, 1941, стр. 137.

Сталин И. В., Приветствие в связи с 800-летием Москвы, «Правда» от 7 сентября 1947.

Маленков Г. М., Информационный доклад о деятельности ЦК ВКП(б) на совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., «Правда» от 9 декабря 1947.

Молотов В. М., Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции, Госполитиздат, 1947.

Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.), Госполитиздат, 1954.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией, т. III, СПБ, 1861; т. IV, 1863; т. X, 1878.

Алелеков А. Н., История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летнему его юбилею (1707—1907), М., 1907.

Арциховский А. В., Древнерусские миниатюры как исторический источник, М., 1944.

Арциховский А. В., Новые открытия в Новгороде, Вопросы истории, № 12, 1951.

Баженов Н. Н., История Московского доллгауза ныне Московской городской Преображенской больницы, М., 1909.

Баткис Г. А., Москва — колыбель русской медицины, Клиническая медицина, № 12, 1947.

Белокуров С., Арсений Суханов, М., 1891.

Бензин В., Церковно-приходская благотворительность на Руси, Трудовая помощь, № 5—8, 1906.

Богоявленский Н. А., О некоторых чертах национальной самобытности русских рукописных лечебников, Врачебное дело, № 7, 1948.

Богоявленский Н. А., Древнерусская миниатюра как источник для изучения истории медицины, Советское здравоохранение, № 5, 1950.

Богоявленский Н. А., О некоторых чертах лекарствоведения в Московской Руси, Советская медицина, № 2, 1952.

Бородина Е. О., Страничка о врачебном деле в древней Руси и первых русских докторах медицины, Природа, № 3, 1950.

Бушуев В. Ф., К вопросу о народном врачевании при православных монастырях, Врач, № 39—40, 1901.

Верхратський С., Матеріали з історії медицини на Україні (до часів введення земства), дисс., Київ, 1944.

Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах, М., 1953.

Высоцкий Н. Ф., Роль женщины в истории нашей народной медицины, Казань, 1908.

Гарчинский И., Краткий обзор медицины в древней России, Мед. сборник Кавказского мед. о-ва, № 31, 1880.

Герман В. Л., Врачебный быт допетровской Руси (материалы для истории медицины в России), в. I, Харьков, 1891.

Герман Ф. Л., Как лечились Московские цари (медико-исторический очерк), Киев, 1895.

Греков Б. Д., Киевская Русь, М., 1949.

Греков И., Королюк В., Миллер И., Воссоединение Украины с Россией в 1654 г., Госполитиздат, 1954.

Громбах С. М., Первые русские ученые медики, Советская медицина, № 7—8, 1945.

Громбах С. М., Русская медицинская литература XVIII в., М., 1953.

Груздев В. Ф., Русские рукописные лечебники, Л., 1946.

Гуревич Г. Е., За историческую правду, Врачебное дело, № 12, 1948.

Гурлянд И. Я., Можжевеловая повинность (материалы по истории администрации Московского государства второй половины XVII века), Ярославль, 1903.

Дитрих М. П., Русская женщина великокняжеского времени, СПБ, 1904.

Ефименко П., Шпитали в Малороссии, Киевская старина, апрель 1883.

Заблудовский П. Е., История медицины, Избранные главы, в. I, М., 1953.

Загоскин Н. П., Врачи и врачебное дело в старинной России, Казань, 1891.

Змеев Л. Ф., Первый в России военновременный госпиталь, Военно-медицинский журнал, ч. 155, 1886.

Змеев Л. Ф., Несколько слов о наших древних специалистах, Мед. обозрение, т. 26, 1886.

Змеев Л. Ф., Первые аптеки в России, Мед. обозрение, т. 28, 1887.

Змеев Л. Ф., Первая в России иностранная женщина врач, Мед. обозрение, т. 28, 1887.

Змеев Л. Ф., Первый врачебный диплом, выданный в России, Русский архив, кн. 2, 1887.

Змеев Л. Ф., Наши первые карантины не там, где их искали, Еженедельная клиническая газета, № 5, 1888.

Змеев Л. Ф., Русские врачебники. Исследования в области нашей древней врачебной письменности, СПБ, 1895.

Змеев Л. Ф., Чтения по врачебной истории России, СПБ, 1896.

История культуры древней Руси. Домонгольский период, ч. II. Общественный строй и духовная культура, под ред. Н. Н. Воронина и М. К. Каргера, М.—Л., 1951.

История Москвы, т. 1, 1952.

История Украинской ССР, т. I, Киев, 1953.

Калачов Н. В., Писцовые книги XVI в., т. I, СПБ, 1877.

Каннабих Ю., История психиатрии, Медгиз, Л.

Колесов В. И., Страницы из истории отечественной хирургии, М., 1953.

Конюс Э. М., Истоки русской педиатрии, Медгиз, 1946.

Крип'якевич І. П., Зв'язки Західної України з Росією до середини XVII ст., Київ, 1953.

Кумберг Н. Ю., Медицина в старой (допетровской) Руси. Материалы к истории медицины, Врачебная газета, 1909.

Куприянов Н., История медицины России в царствование Петра Великого, СПБ, 1872.

Л. С., Оспопрививание до Дженнера и лечение ртутью в старой Малороссии, Киевская старина, октябрь 1895.

Лахтин М., Борьба с эпидемиями в до-Петровской Руси, М., 1909.

Лахтин М., Медицинское мышление первобытного человека. Первая страница в истории развития медицинских знаний, Врачебное дело, № 24, 1929.

Лебедянская А., Первая военно-медицинская школа на Руси, Военно-исторический журнал, № 3, 1941.

Лешков В., Что и как делалось в древней Руси на пользу народного здравия, отд. отт., М., 1854.

Любименко И., Врачебное и лекарственное дело в Московском государстве, Русский исторический журнал, кн. 3—4, 1917.

Маржерет, Состояние Российской державы, СПБ, 1830.

Марченко М., Визвольна війна українського народу 1648—1654 рр., Київ, 1953.

Материалы для истории медицины в России, в. 1—4, СПБ, 1881—1885.

Морозов Н., Русские лекари XVI века, Врачебное дело, № 3, 1952.

Московского Главного архива министерства иностр. дел каталог делам и рукописям Аптекарского приказа и иным, относящимся к медицине с XV столетия, составленный библиотекарем Архива И. Ф. Токмаковым, М., 1879.

Невский В. А., Три знаменательные даты из прошлого русской медицинской литературы, Врачебное дело, № 6, 1948.

Невский В. А., По поводу статьи проф. Д. М. Российского «Первые русские фармакопеи и их предшественники», Фармакология и токсикология, № 1, 1952.

Новомбергский Н., Материалы по истории медицины в России, СПБ, 1905—1906.

Новомбергский Н., Врачебное строение в до-Петровской Руси, Томск, 1907.

Оборин Н. А., Первый русский доктор медицины Георгий Дрогобыч, Советская медицина, № 2, 1954.

Огиенко И. И., Брусиловский братский шпиталь, Летопись Екатеринославской учен. арх. комиссии, в. IX.

Оксенов И. А., Очерк истории русской медицины, Приложение к «Истории медицины» Л. Менье, М.—Л., 1926.

Оппель В. А., История русской хирургии, Вологда, 1923.

Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XIII вв., под. ред. Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, ч. I. М., 1953.

Палкин Б. Н., Первая медицинская школа на Украине, Врачебное дело, № 1, 1953.

Пантюхов И., О народной медицине в юго-западном крае, Киев, 1875.

Петров П. Т., Очерк по истории чумы на Украине и юге России, Врачебное дело, № 1, 1950.

Петровский Д., Врачебная старина и быт врачей времен первого государя из дома Романовых царя Мих. Федор., Харьков, 1914.

Подражанский А. С., Русский доктор медицины XV века профессор Юрий Дрогобычский, Врачебное дело, № 10, 1951.

Попов Г., Русская народно-бытовая медицина, СПБ, 1903.

Потебня А., Малорусские домашние лечебники XVIII века, Киевская старина, январь 1890 (текст лечебн. привед. в прилож. к Киевской старине за 1890 г., стр. 1—59).

Разумовский В. И., Медицинское дело в России в царствование первых государей дома Романовых, Саратов, 1913 (отд. отт. из «Изв. импер. никол. ун-та, в. 2, т. IV).

Райнов Т., Наука в России XI—XVII вв., М—Л., 1940.

Рихтер В., История медицины в России, М., 1814—1820.

Российский Д. М., Первые русские терапевтические клиники, Клиническая медицина, № 12, 1947.

Российский Д. М., Первые русские фармакопеи и их предшественники, Фармакология и токсикология, № 1, 1950.

Российский Д. М., Первый русский доктор медицины Георгий Скорина, Врачебное дело, № 2, 1951.

Рыбаков Б. А., Ремесло древней Руси, Изд. АН СССР, 1948.

Свирин А. Н., Древнерусская миниатюра, М., 1950.

Сегал А., Медицинские судебные процессы и дела в государстве Московском (XV—XVII), Врачебное дело, № 21, 1928.

Семашко Н. А., Очерки об организации здравоохранения в Москве за 800 лет, в сб: Очерки по истории развития медицины в Москве, М., 1948.

Скороходов Л. Я., Краткий очерк истории русской медицины, Л., 1926.

Скороходов Л. Я., Первобытный период медицины, Врачебное дело, № 9, 1928.

Соколов В., Материалы для истории старинной русской лечебной литературы. Лечебник № 480. Московской патриаршей (ныне синодальной) библиотеки, отд. отт. из Варш. универ. известий, № 6.

Соколовский М., Характер и значение деятельности Аптекарского приказа, СПБ, 1904.

Сырку П. А., Отрывок малорусского простонародного лечебного травника и два заговора, руководство XVII в., Филологические записки, в. I, 1883.

Терновский В. Н., К истории хирургии и медицинского образования в до-Петровской Руси, Русск. клиника, № 36, 1927.

Терновский В. Н., Морфологи Москвы, в сб.: Очерки по истории развития медицины в Москве, М., 1948.

Тихомиров М. Н., Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., т. I, М., 1940.

Устав киевского цирюльнического цеха 1767 года, Киевская старина, ноябрь 1883.

Факторович П. М., Великий таджикский ученый и врач Ибн-Сина (Авиценна), Врачебное дело, № 10, 1953.

Федюшин М. П., Некоторые материалы к истории русской онкологии, Вопросы онкологии, в. 6, М., 1953.

Флоринский В. М., Русские простонародные травники и лечебники, Собрание мед. рукописей XVI—XVII столетий, Казань, 1879.

Хмыров М. Д., Русская военно-медицинская старина (1616—1762). Историко-характеристический очерк по документам, Военно-медицинский журнал, ч. 104, 1869.

Цветаев Д., Медики в Московской России и первый русский доктор, Варшава, 1896.

Чебан С. М., К вопросу о гигиенических предписаниях в древнерусской литературе, Журнал мин. нар. просвещения, январь 1913.

Чистович Я. А., История первых медицинских школ в России, СПБ, 1883.

Шевченко Ф., Історичне значення віковічної дружби українського та російського народів, Київ, 1953.

Шляпкин И. А., К биографии Франциска Скорины, Журнал мин. нар. просвещения, апрель 1892.

Эварницкий Д. И., История запорожских казаков, т. II, СПБ, 1895.

Эварницкий Д. И., Источники для истории запорожских казаков, т. I, Владимир, 1903.

Эккерман В., Материалы для истории медицины в России (история эпидемий X—XVIII вв.), Казань, 1884.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ростислав Евгеньевич Кавецкий,
Константин Петрович Балицкий

У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

Редактор издательства *М. И. Снежин.*
Тех. редактор *Н. П. Рахлина.*
Корректор *А. И. Неруш.*

БФ 08418. Зак. № 1594. Изд. № 90. Тираж 8000. Формат бумаги 54×84¹/₁₆. Печ. листов 5,35. Уч.-изд. листов 5,8. Бум. листов 3,25. Подписано к печати 10/XI 1954 г.

Отпечатано с набора типографии Издательства Академии наук УССР в типографии Издательства Академии архитектуры УССР. Киев, Владимирская, 24.